

ИРИНА ДЕГТЯРЁВА

СИРИЙСКАЯ ЖАРА

Следователь Олег Ермилов

Ирина Дегтярева
Сирийская жара

«СОЮЗ»

2022

Дегтярева И. В.

Сирийская жара / И. В. Дегтярева — «СОЮЗ»,
2022 — (Следователь Олег Ермилов)

ISBN 978-5-6048352-1-0

Москва, 2019 год. К полковнику Олегу Ермилову в очередной раз обращается его старая знакомая – Олеся Меркулова. Во время подготовки материалов для документального фильма вездесущая журналистка обнаружила интересные нюансы в диктофонной записи интервью, сделанного около года назад в Сирии. Эта пара фраз, небольшая оговорка, которую во время интервью то ли случайно, то ли намеренно допустил сирийский курд, чем-то зацепила Олесю, и она решила более детально поработать над переводом текста, что в конечном итоге привело к глобальной разработке Департамента военной контрразведки, которая помогла не только просчитать действия турок в их очередной войсковой операции на территории Сирии, но и продумать ответные шаги как на разведывательном, так и на государственном уровне. Закулисные заговоры и переговоры, секретные решения и дипломатические договоренности, искусная и методичная работа контрразведчиков – все это ждет вас в романе Ирины Дегтяревой «Сирийская жара».

ISBN 978-5-6048352-1-0

© Дегтярева И. В., 2022
© СОЮЗ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Ирина Дегтярёва

Сирийская жара

Роман

© Дегтярёва И.В.
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Октябрь 2019 года. Сирия

Солнце всходило над сирийским Рас-эль-Айном, как и сотни лет назад. Октябрьское, все еще горячее, но и оно не способно было пробиться сквозь пыль, поднимающуюся к небу после артиллерийского налета. Словно город оказался слепленным из песка и к тому же попал в зону невесомости. Ни стен, ни улиц, ни крыш, только бежевая беспросветная мгла, повисшая в воздухе...

Но пыль все-таки осела на землю. Вместо нее к небу потянулся черный дым от занявшихся пожаров в нескольких районах города. Дома несчастного городка и так посечены осколками и пулями, а теперь выбоин добавилось. Кто-то истошно кричал около мечети.

Жители, затаившиеся во время налета в подвалах своих домов, теперь привычно и торопливо собирали пожитки, понимая, что вскоре последует наземное наступление. Это было паническое и очень поспешное бегство тысяч и тысяч людей. Турки едва ли будут действовать гуманнее, чем игиловцы.

Их ненависть к курдам, выросшая и созревшая, бросила черные горькие семена готовности к геноциду. Так они не единожды резали греков и евреев, так уничтожали армян. Кстати, именно в Рас-эль-Айне, тогда еще входившем в Османскую империю, в начале двадцатого века находился концентрационный лагерь для армян, где были уничтожены тысячи людей.

Совсем рядом с сирийским Рас-эль-Айном находится турецкий Джейланпынар, и там мир, хоть и танки М60, и БТРы М113, и грузовики с солдатами заполонили улицы такого похожего на сирийский городка. По одну и по другую стороны границы живут родственники, разделенные разорвавшейся на многие части Османской империи.

Курды и арабы из Рас-эль-Айна не в силах противостоять авиаударам, однако ответили они незамедлительно, обстреляв приграничные районы Турции.

Рас-эль-Айн почти не менялся за годы. Так бы и шла там тихая жизнь от намаза к намазу, с вечерними посиделками арабов и курдов – соседей, отдыхающих за нардами и приторным чаем после жаркого, сорокаградусного дня, за тягучими мужскими провинциальными беседами обо всем и ни о чем.

Но начались восемь лет назад беспорядки в Дамаске, инициированные извне и переросшие в гражданскую войну, затем возникла новая напасть – черный халифат, накотивший на Сирию и начавший рушить жизнь, перемалывая в своих жерновах людей, города, веру и надежду. И в самой Сирии, и в соседнем, уже исковерканном войной и американской коалицией Ираке.

Южные ночи стали еще темнее из-за взорванных обесточенных электростанций. Города, погрузившиеся во мрак из-за бесноватых игиловцев, обесточились и в духовном смысле, утра-

тив радость и желание жить. Те, кому удалось бежать, очутились в лагерях на территории Турции, без крова, без перспектив. Люди погрязли в депрессиях и отчаянии.

Площади сирийских городов, захваченных игиловцами, превратились в место кровавых казней неверных, неугодных, не соответствующих законам черного псевдохалифата. Однако в Рас-эль-Айне уже в 2013 году курды YPG¹ все же выбили боевиков «Ан-Нусры» и контролировали город до начала нынешней турецкой военной операции «Источник мира».

Именно так и выглядит в турецком понимании «источник мира» – бомбежка сирийских городов, а затем танками утюжить тех, кто уцелел, объявив их поголовно террористами. И выбрали они именно эти два объекта – Рас-эль-Айн и Эт-Тель-эль-Абьяд – для первых ударов, поскольку именно там легче было добиться военных успехов с наименьшими потерями.

Арабы, живущие в этих городах и их окрестностях, присоединившиеся к курдским силам, согласились не только воевать с ними плечом к плечу против правительства Сирии, против игиловцев и иже с ними, но и смирились с существованием Сирийского курдского независимого государства внутри Сирии, созданного наподобие Иракского Курдистана. Арабы оказались не так добротны вооружены и не так хорошо приспособлены к войне, чем более опытные курды, обкатанные многолетними стычками с турками и позже с игиловцами. Турция решила нанести удар в первую очередь по этому слабому звену.

...И снова поднялась пыль, когда в город устремилась тяжелая техника. Курды вместе с арабами встретили их ответным огнем. Завязался бой. В одном из БТРов вместе с группой десантников ехал молодой лейтенант Савас Йылдырым в новеньком камуфляже, выданном личному составу.

Еще совсем недавно офицер окончил Кара харп окулу² в Анкаре, стал командиром взвода и вот – сразу в бой. На рукаве камуфляжа кроваво-красный турецкий флаг, над БТРом на древке развевается такой же, огромное полотнище которого видно даже через пыль и выхлопы отработанных газов.

Савас храбрый парень. Он осознает, что сообразительнее других, понимает и одобряет имперские намерения руководства страны. Ему хочется гордиться великой Турцией, а не тем, что от нее осталось. И он стремится покончить наконец с надоедливими курдами...

Формально их надо только оттеснить от границы. Формально. Ведь не станут же пересчитывать, скольких оттеснили, а сколько из них остались в каменистой земле, сброшенные в общие ямы. В конце концов, курды же будут оказывать отчаянное сопротивление.

Мысли о сопротивлении Савас гнал от себя с содроганием. То, что курды – воины, не вызывало никаких сомнений, хотя в душе и поднималось негодование и нежелание признавать это.

Гораздо проще воспринимать курдов как капризного ребенка посреди магазина, который бьется в истерику на полу между стеллажами с игрушками. Каждый от души хочет дать ему шлепков. И Иран, и Турция, и Сирия. И тем не менее истерит он мастерски.

Сначала ребенок получил монеты от сердобольной тетушки в лице России, затем оседлал прижимистого дядюшку из Штатов. А в итоге ребенок уже вымогил для себя часть территории Ирака и узаконился там. Туда же, в горы Кандиль, туркам удалось спихнуть и свою «дитятю» – злосчастную РПК³.

Йылдырым помнил с детства теракты, устроенные боевиками РПК в Турции, бесконечные упоминания их лидера по телевизору. Его имя, как назойливая пчела, все уши прожуж-

¹ YPG (курд.) – Отряды народной самообороны. Организация сирийских курдов, боевое крыло курдской партии «Демократический союз» (PYD).

² Кара харп окулу (тур.) – военное училище сухопутных войск.

³ РПК – Рабочая партия Курдистана – организация, борющаяся за права курдов и создание автономии в составе Турции.

жало: Оджалан, Оджалан, Оджалан. Он уже давно сидит в Имралы, получив пожизненный срок, однако все еще эхом звучит его имя и нисколько не утихла деятельность его боевиков.

Лейтенант предпочитает не думать о том, что турки травили курдов газом, лишали собственного языка и национальности, упорно называя их «горными турками» и самих курдов пытаясь убедить в этом.

Теперь «капризный ребенок» выбил себе не мытьем, так катаньем часть сирийской территории вдоль границы с Турцией. А ведь они привыкли воевать, работать не хотят, значит, будут совершать налеты на приграничные турецкие города, проникая через границу, торговать контрабандой и наркотиками, организовывать теракты, что они и делают. Ведь это курды. YPG, РПК – все они одним миром мазаны.

Савас увлекается стратегией и видит себя в будущем генералом, а то и министром обороны. Он выбрался из нищеты стамбульских кварталов, где жил бок о бок с греками и евреями. Но сейчас их там почти не осталось. Савас ловил рыбу с Галатского моста, мальчишкой торговал газетами, чтобы заработать хоть несколько лир для родителей, и жил мечтами когда-нибудь купить отцу и матери хотя бы хороший ковер вместо старого, истертого до дыр, что лежал на каменном полу их дома. А отцу еще шелковый ковер для намаза.

Йылдырым-старший до сих пор считает, что Савас чересчур горяч и слишком юн. Это обижает лейтенанта. Отец даже не торопит с женитьбой, потому что сын полностью поглощен службой. После выпуска из училища парень только однажды съездил искупаться на острова с двумя младшими братьями и прогулялся с ними по набережной Босфора в новенькой офицерской форме. Деньги отец тратить не позволил, припрятал в шкатулку в черном старинном, еще дедовом комоде под засиженным мухами портретом Ататюрка в каракулевой папахе и с золотой медалью Имтияз, с саблями на груди.

Савас еще в школе глядел на этот портрет и знал, что на медали написано «Патриотизм, усердие, мужество, верность». Об этом говорил учитель в классе, рассказывая о великом Ататюрке. И Савас уверовал, что слова на медали адресованы ему лично, мальчишке, который мог рассчитывать разве что на работу в порту или на рыбацкой шхуне матросом. Однако он так упорно и старательно учился, что его ждала другая судьба...

Еще немного, и придется выбираться из-под надежной брони БТРа, «источая мир» в виде шквала свинца. Йылдырым отер пот, стекавший по щекам из-под обтянутого камуфляжем натовского шлема.

Сейчас они возьмут эти приграничные города. Идлиб и так частично под их контролем, там турецкие полицейские патрули, а также Африн и прилегающие к нему территории. Ведь только формально их держит Свободная сирийская армия. Без турецких вооруженных сил, стоящих за спиной ССА, ей грош цена. Игилловцы прикормлены, хотя и трудно держать их под контролем. Весь Ближний Восток, и не только он, раскачан террором и цветными революциями, а значит, можно идти и брать. Собирать осколки империи воедино. С их-то крепкой армией, одной из сильнейших в мире.

Сирия, Ирак, Афганистан, Йемен, Иран – это уже сейчас вполне по зубам Турции. С поддержкой Штатов, их ядерными боезапасами, находящимися на базе Инджерлик.

Одно время пустили слух, что бомбы В-61 перевезли в Румынию. Да кто же доверит такое хранение жуликоватым румынам? Просто американцы замечали следы после мятежа летом 2016 года, когда под руководством Гюлена из Америки пытались свергнуть власть в Турции. Савас тогда еще учился в училище. Его не коснулись массовые увольнения военных и госчиновников.

Власть устояла, порядок навели, и ядерные бомбы остались в Турции.

Поможет и Израиль, ненавидящий Иран. И Катар, вероятно, и саудиты. Было бы только желание и условия пойти и взять. И заодно покончить раз и навсегда с курдским вопросом. Затем можно поквитаться и с Израилем...

Савас выпрыгнул из БТРа на пыльную дорогу, пригнулся и скоординировал своим бойцам укрыться за броней. Он только смутно видел вспышки выстрелов по ту сторону улицы сквозь мглу из густой пыли. Ураганный огонь оглушил и вызвал страх. Руки ходили ходуном. Одно дело мишени и бравурные речи командиров, а другое – пули, летящие в тебя со всех сторон.

Лейтенант Йылдырым упал в полный рост, вытянувшись в струнку, как по стойке «смирно». Пуля из снайперской винтовки пробила ему переносицу и принесла мгновенную смерть.

Мертвого лейтенанта оттащили с дороги, его кровь свертывалась в черные комки, смешиваясь с пылью. Солдаты погрузили командира в БТР и пошли в наступление.

С минимальными затратами турки взяли эти города и теперь контролировали не только Рас-эль-Айн и Эт-Тель-эль-Абьяд, но и стратегически важную трассу М4, проходящую вдоль сирийско-турецкой границы.

Турки намеревались продвигаться и дальше, захватывая города Рожавы – Сирийского самопровозглашенного Курдистана, уничтожая «террористов» из YPG, считая их бойцами филиала ненавистной Рабочей партии Курдистана.

Канал «Rojava Network» сообщал, что идут бои на подступах к Камышлы, где около двухсот тысяч населения. Турки наступали, попутно освобождая боевиков ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусры» и других бандитских формирований, содержащихся в лагерях на территории Рожавы.

Многих из них турки снабжали оружием в ходе гражданской войны, многих завербовали их спецслужбы, некоторые полевые командиры переправляли в Турцию исторические ценности Сирии, награбленные в Пальмире, в церквях и музеях, и перегоняли колонны с контрабандной нефтью, лечились в турецких госпиталях. Освободив их из лагерей, выпустив сотни джигитов из бутылок, турки смогут придать новый толчок войне, раздуть угли, все еще тлеющие и способные обжечь всерьез.

Турок осуждали в Европе и в Америке. Громко и требовательно призывали прекратить наступление. Еще до начала операции «Источник мира» американцы оперативно покинули свои базы в пригороде Манбиджа (самая большая база авианаводчиков располагалась в Дадате), около города Кобани и в провинциях Эр-Ракка и Эль-Хасака. А после заявили, что на Турции лежат обязательства по защите гражданского населения сирийских городов, которые турки захватят, и США «удостоверятся, что эти обязательства будут выполнены».

Это напоминало циничное обращение к волку, схватившему добычу, которую перед этим американцы откармливали финансированием, оружием и моральной поддержкой. Волку разрешили съесть упитанного курдского теленка, но как-нибудь по деликатнее, не так громко урча и чавкая, не привлекая внимания, и хотя бы оставить кусочек, гуманизма ради.

И все же что-то у турок пошло не так...

Весна 2019 года. Москва

Пламя свечи то и дело вздрагивало, изгибалось, словно ослабевала невидимая нить, по которой пламя устремлялось вверх, а затем нить снова натягивалась, и пламя выпрямлялось, удлиняясь одновременно и начиная коптить. Огромный рыжий кот сидел на стопке рукописей и завороченно смотрел на пламя.

В комнате стояло несколько свечей, отвоевывая у темноты круги света, рассеивающегося по кромке этих кругов. В один из них попал письменный стол с черным квадратом монитора, отражающим кота и огоньки. На столе вороха бумаг, пухлые блокноты, маркеры и карандаши, смутный силуэт фикуса на окне, на ветке которого поблескивает красная шишка – елочная игрушка, забытая с Нового года. В другом круге часть дивана с комком красного мохерового пледа и чашка с чаем на широком деревянном подлокотнике, изодранный котом валик, обтянутый тканью с таджикским черно-белым узором.

Третий круг – содранные со стены обои, а под ними банка с водоэмульсионной краской и поверх нее валик. Сама хозяйка комнаты, журналистка Олеся Меркулова, стоя в темноте у окна, выглядывает во двор, вытянув длинную тощую шею. Кто-то бы сказал «утонченную», но Олеся обладает редким для женщин, а уж тем более для журналистов качеством – самокритичностью. Она считает себя обычной, приземленной даже. Никаких изысков, все по рабочекрестьянски. Все подчинено работе. Отсюда небрежность в прическе и внешности. Балахонистая одежда и собранные на затылке в лохматый пук волосы.

В особенно горячую пору сдачи материала в печать или в эфир Олеся напоминает безумного профессора и так же выглядит, когда начинает собирать информацию. «Акула пера» – это не про нее, она скорее рыбка-клоун, готовая соприкоснуться с ядовитыми щупальцами актинии, чтобы ее не сожрал более крупный хищник. Впрочем, от акулы она тоже переняла кое-какие качества: не спать сутками и постоянно шнырять по океану информации, вылавливать из массы мусора нечто съедобное. Хотя и несъедобное сойдет. Меркулова обладает акульей способностью выплевывать собственный желудок и промывать его в океанской воде.

На подоконнике валялся кусок исковерканного металла – осколок из аэропорта в сирийском Эш-Шайрате. Она была там год назад вместе с сотрудниками ФСБ. И едва не погибла вместе с ними. Как Олеся шутила, вернувшись: «Чуть не оставила кота сиротой».

По итогам командировки вышел сюжет про махинации «Белых касок» и немного про курдов YPG. Меркуловой удалось взять интервью у одного из них, она частично дала комментарий курда закадровым текстом, но теперь снова вернулась к той диктофонной записи.

Год назад она готовила материал, что называется, с колес, вернее, с шасси самолета, прилетевшего в «Чкаловский» и взметнувшего искристый снег на взлетно-посадочной полосе. Основной упор репортажа пришелся на «Белые каски», а интервью с курдом осталось втуне. Хоть и делала она интервью впопыхах, но все же...

Вчера Олеся отыскала тот диктофон и прослушала снова, рассчитывая выжать из этой записи еще на один полноценный репортажик. Она привычно стала записывать в блокнот каждое слово интервью. Так она вращалась в материал, вспоминала свои ощущения, мимику говорившего курда, явно подражавшего Оджалану. Чуть полноватый командир YPG отпустил такие же усы, как у руководителя РПК, говорил вальяжно, развалившись на подиуме, покрытом ковром, и неторопливо перебирал четки крепкими не слишком чистыми пальцами.

Говорил он на курманджи. Переводил полковник Петр Горюнов, который выдавал себя там за багдадца Кабира Салима. Он даже продемонстрировал бдительным курдам свой старый иракский паспорт. На самом деле он работает в УБТ⁴ ФСБ.

Меркулова весь год после возвращения в Москву собиралась с ним встретиться и взяться за него всерьез, чтобы вытрясти эксклюзив. Но Горюнов без конца мотался по командировкам. Как ни позвонит ему Олеся, он то в Узбекистане, то в Туркмении, то снова в Сирии. И все отшучивался, вспоминая, как они в модуле в Латакии резались с ней в картишки. Она деликатно напоминала, что Горюнов выдавал себя за ее мужа в той рискованной поездке по Сирии и пора бы вспомнить о супружеском долге. Дальше шуток дело не шло, но оптимистичная Меркулова не теряла надежды.

Кое-что в интервью было по-английски, но больше все-таки на курманджи. Педантичная Меркулова заметила странную особенность перевода, на которую не обратила внимания ни во время встречи в Сирии, ни позже, уже в Москве, когда готовила репортаж и закадровый текст.

Курд Салар Махуб говорил цветисто, горячо, конечно, совершенно непонятно и... очень много. Заметно больше того, что скромно переводил Горюнов чуть хриловатым от постоянного курения голосом.

⁴ УБТ – Управление по борьбе с терроризмом.

Можно было подумать, что полковник не слишком хорошо владеет курманджи. Однако Олеся успела за короткий срок той командировки понять, какая лиса этот голубоглазый, угрюмый, но в то же время чрезвычайно обаятельный полковник. Его негласный девиз: «Один пишем – два в уме». К тому же полковник Ермилов однажды «проговорился», что своего старшего сына Горюнов прижил от курдянки, а стало быть, курманджи худо-бедно должен знать.

Полковник Ермилов из ДВКР⁵ ФСБ, старый приятель Меркуловой, она знакома с ним больше пятнадцати лет. И в той поездке в Рожаву, на север Сирии, Ермилов ездил вместе с Горюновым и Олесей. Его выдали за журналиста. Он хорошо говорит по-английски, и это облегчило работу Меркуловой с курдами, поскольку она так бегло по-английски общаться не умеет.

Так что заподозрить Горюнова в незнании языка Меркулова не могла. Просить сейчас разъяснений у самого Петра – дело бесперспективное. Отшутится. А чувство, что ее провели вокруг пальца с переводом, выводило журналистку из равновесия.

Ее собственное интервью, полученное с риском для жизни, вынули у нее из клювика – ненавязчиво, просто ловкость двух смуглых рук с длинными крепкими пальцами. Такие пальцы должны держать скрипку и смычок, но гораздо ловчее они обращались с автоматом, который Петр не выпускал из рук все время поездки и стрелял одиночными, пока ждали группу, отбиваясь от напавших на них боевиков «Ан-Нусры».

Какие детали Горюнов утаил? Намеренно? Или потому что они с Ермиловым преследовали совсем другие цели в той вылазке к курдам – это теперь уже неважно. Петру, вероятно, просто не интересна была болтовня курда, и он переводил через пень-колоду.

Меркулова тут же достала пухлую записную книжицу в бирюзовой обложке и начала сосредоточенно искать. Кто только не попал в этот заветный список – от настройщика пианино до генералов МВД, от артистов цирка до следователей СК и ФСБ. Среди них затесался студенческий приятель – курд Араз Мирзоев, которого называли в шутку Араз-Адвас. Он не обижался.

Араз не стал журналистом и теперь владел рестораном на набережной Москвы-реки. Там он и принял Олесю, обрадовавшись ее звонку. После взаимных реверансов: «Видел тебя по телеку» и «Какой у тебя уютный ресторанчик», они удалились в его кабинет на втором этаже, взобравшись по гулкой винтовой черной лестнице.

Из приоткрытого окна кабинета пахло весенней рекой и слегка соляжкой. Меркулова с неохотой отказалась от предложенного обеда. Обычно она старалась есть везде, где предлагают, и в любое время. Работа журналиста подразумевает чувство постоянного голода, и не только информационного. Сейчас она торопилась и не хотела отвлекаться от главного.

– Ты не будешь трепаться, а, Аразик? – Олеся взглянула на него, гипнотизируя черными глазами.

– Здравсьте, приехали! Когда я трепался? Я молчаливый, одинокий, – он кокетливо поморгал длинными ресницами, почесал короткую бородку, красуясь. На пальце у него блеснул серебряный перстень явно с недешевым зеленым камешком.

– Ладно тебе! – ничуть не смутилась Меркулова.

Она еще в институте обратила внимание, как он на нее заглядывается, потому и пригласил тогда на свадьбу своего брата. Имел виды. Но Олеся легкомысленно игнорировала. На свадьбе она и узнала, что он не армянин, а курд и знает курманджи.

– Мне надо, чтобы ты прослушал одну запись. Это интервью. И дословно перевел с курдского. А потом забыл обо всем, что услышал. Запись – мой эксклюзив. Усек?

– Кому я могу растрепать? Своему шеф-повару, что ли? Я, к счастью, отошел от журналистских дел. Садись, что же ты стоишь! – он указал на массивный кожаный диван в углу

⁵ ДВКР – Департамент военной контрразведки.

кабинета. Около него на столике стояли бутылки коньяка, виски и ликера. – Журналистика, знаешь ли, напоминала мне всегда погоню. Неизвестно куда и неизвестно зачем, но бежишь. Впереди несутся такие же охотники за информацией, взмыленные, голодные, борзые. Как стая летучих мышей с открытыми ртами. Авось по дороге что-нибудь само в пасть влетит.

– Тут скорее дело политическое, – усмехнулась Олеся удачному сравнению приятеля. – Все же ты зря переквалифицировался. У тебя явный дар фельетониста.

– Ну уж! А что касается политики, тем более. Упаси меня бог лезть в эту трясику. Особенно что касается курдского вопроса. Там непролазные дебри. Группировки. Борьба за власть и территории. Все это скучно и бесперспективно. Лучше делом каким-то заниматься. Вот я и... – он обвел рукой свой кабинет. – А между прочим, мой брат уехал в Северный Ирак, в русский батальон, в горы Кандиль. И еще некоторые наши знакомые там. – Араз погрузился. Ему эта тема была неприятна.

– Постой, а его жена?

– С ним уехала, – Араз поерзал в кресле, явно не желая развивать болезненную для семьи тему. – Не сиделось им дома. Поехали искать приключения и бороться за свой независимый Курдистан. Мираж, миф...

– Думаешь, они не объединятся? Я имею в виду, не будет единого Курдистана?

– Сама посуди, – Араз налил ей вишневого ликера в рюмочку, себе коньяку. – Иранские курды – это одно, иракские – другое, сирийские – третье, я уж не говорю про турецких. У всех у них есть свои организации, связанные весьма опосредованно. Молодежь, в большинстве своем, не знает курдского. Они фактически ассимилировались в тех странах, где живут. Чего еще надо? Да и как ты себе представляешь отдельное государство? На чьей территории? За чей счет? – Он выпил и предостерегающе покачал пальцем: – Только не вздумай использовать мои слова как комментарий некоего обрусевшего курда к своим репортажам. Знаю я эти журналистские штучки! Небось обвешалась диктофонами?

– С тобой я бы не стала такое проворачивать, – обиделась Олеся довольно натурально. Мыслишка-то у нее мелькнула... – Так переведешь?

– Да без проблем! Что у тебя? Запись, видео или стенограмма? Диктофон – это хуже. Лучше бы глазами пробежаться по тексту.

Меркулова достала из своей сумки маленький цифровой диктофон и блокнот. И стала наблюдать за выражением лица курда, попивая ароматный и густой ликер.

Араз закурил и сперва слушал молча, снисходительно улыбаясь и попыхивая сигареткой. Потом он засмеялся, подался вперед, смял сигарету в пепельнице и тут же нахмурился, вслушиваясь. Знаком показал, чтобы Олеся остановила запись.

– Любопытно. Как ты туда попала? Это же в Сирии? – он поднял руки вверх. – Ладно, ладно, понял, никаких вопросов. Забавная у тебя там компания собралась. Они оба курды?

– Почему ты так решил?

– Разве этот хриплый тип не курд? Он прекрасно знает язык, но переводит весьма своеобразно. То есть как заблагорассудится. А вообще, – Араз потер кончик массивного носа с горбинкой, – он, наверное, араб. Что ты улыбаешься? Знаешь, что ли, кто он на самом деле?

– Неважно, – отмахнулась Олеся. – Давай ближе к делу. Мне нужно слово в слово. А что ты засмеялся, когда слушал?

– Да этот курд распинался, цитаты приводил. Вспомнил Орбели, кстати, армянина, нашего советского академика. «Растеряли своих сынов под обликом иранцев, турок, арабов, армян, растеряли сынов, имена которых в качестве имен славных поэтов, музыкантов, полководцев украшают историю народов». Это как раз к нашему с тобой разговору о невозможности объединения. Растворились курды в мировом пространстве. А те, что кучкуются в Ираке и Сирии под эгидой различных партий, я не имею в виду обычных мирных мужчин, женщин, детей, а тех, кто с оружием в руках, кто ходит на грани закона и борьбы за свободу, – у них

сбились ориентиры. И грань эта, по которой они ходят, тонка, как рыболовная леска. Деньги нужны на борьбу, а легкий способ их добыть какой?

– Понятно, – Олеся покивала. – Я всегда считала, что все подобные организации имеют черную сторону медали. Теневую. Порой сплетенную с мафией. И баскская ЭТА, и колумбийские FARC, ирландская ИРА, турецкая РПК. Цели почти святы, а методы их достижения – драконовские. Наркотики, шантаж, похищения, террор. Благими намерениями...

– Ну что касается курдов, я бы не был столь категоричен, – Араз поворошил свои густые волосы. Его заверения в полной аполитичности разбивались о его же курдское самосознание, которое жило в нем помимо воли. Как будто некто однажды тронул струну, и она звучит до сих пор, отражаясь в каждом курде эхом, где бы они ни были – во Франции, Германии, Турции, Армении, России, по всему миру. – Их приперли в Турции. На должности приличные не брали. Изгои, одним словом. А что еще остается? Вот многие и ушли в бандиты.

– Так из-за чего ты смеялся? Ведь не из-за цитаты?

– Из-за перевода. Твой переводчик опускал все лирические отступления, рассчитанные на чувствительную публику, словно он неплохо знает курдов с их лозунгами и неким позерством, что ли. Циничный он тип, твой толмач.

– Никакой он не мой! Давай ближе к делу. О чем он еще умолчал в своем переводе?

С довольно оскорбительной понимающей ухмылочкой (по поводу ее слов «он не мой») Араз забрал у Олеся блокнот и стал быстро записывать перевод, включая и выключая диктофон.

...Уже дома она начала анализировать его записи. Кроме «лирических отступлений» в самом деле не так уж много добавилось нового. Горюнов отфильтровал информацию словно умелый журналист, только, как выразилась про себя Олеся, жестко ангажированный. Он явно вознамерился представить курдов теми, кто они есть, без романтической вуали.

Однако некоторые отступления от интервью показались Меркуловой очень любопытными.

...– Вынуждены были пойти на сделку с американцами. А что нам оставалось? – говорил Салар Махуб.

– Но вы же от русских получали помощь и поддержку, – напомнил Горюнов.

– Да, они помогали! Но они же сговорились с Саддамом и поддерживали его, бросив нас? Это как? А его братец травил нас химией.

– Иракских курдов, – уточнил Горюнов.

– Наших братьев, – возразил курд. – Ты просто араб, тем более из Ирака, поэтому к нам так относишься. Я даю интервью русской журналистке, а не тебе.

– Молчу, молчу.

– Если бы не Карайылан⁶... Нам звонили надежные люди от его имени о твоём приезде. Переводи. Девушка ждет...

Олесю удивило, что Горюнов не побоялся препираться с Саларом в тот момент, когда их жизнь зависела от этого самого Салара. Ермилов в стане курдов стремился повидаться с англичанином из «Белых касок». Только там, на севере Сирии, он мог это осуществить.

Интервью стало своего рода прикрытием встречи, деталей которой Меркулова не знала. Но в данном случае и не стремилась выпытать ни у Ермилова, ни у Горюнова. Чувствовала, что они не расскажут и не следует влезать еще и в эту тему. Олеся и так теперь никуда не совалась за границу благодаря знакомству с этими двумя типами и репортажам, которые сделала с их подачи. Никто ей не запрещал выезжать, но она сама справедливо опасалась провокаций.

⁶ Мурат Карайылан – руководитель Рабочей партии Курдистана, сменивший на этом посту арестованного в 1999 году Абдуллу Оджалана.

Перечитывая раз за разом записи Араза, запинаясь за его острый, угловатый почерк, она выпила уже две чашки кофе и все не могла уловить, что же ее беспокоит в этих словах Салара, переведенных только сейчас.

На первом словесном столкновении Горюнов все же не успокоился и продолжил задира́ть Салара. Зачем он это делал? С какой целью? Олеся голову сломала, пытаясь ответить на эти вопросы.

Несколько минут она тешила себя надеждой, что он хотел раскатать курда на откровения для нее, Меркуловой, чтобы интервью получилось нестандартным. Однако, в конечном счете, пришла к выводу, что задиристость просто в его характере и к тому же есть у Горюнова внутренний дискомфорт, связанный с курдским вопросом, вызывавшим у него болезненную реакцию, как у человека, который хорошо знает недостатки курдского движения, но при этом болеет за них душой. И потому не приемлет демагогов, затесавшихся в среду РПК или YPG, как в данном случае. У Горюнова, очевидно, существовала своя теория, свое решение этой проблемы, которое он держал при себе.

Салар и Горюнов снова сцепились, когда курд упомянул о самопровозглашении Курдской федерации Рожавы, созданной на севере Сирии в 2016 году. Салар утверждал, что Россия одобрила это решение. Курды в самом деле в тот период приезжали в Россию, проводили переговоры.

– Никто это не одобрял, – возразил Горюнов. – В том числе и Россия. Вне рамок переговорного процесса с арабами ваше самопровозглашение просто не имеет смысла. Разве что «евреи», как всегда, не сказали ни да, ни нет. Дескать, на их делишки в Сирии это не повлияет.

– Я тоже не люблю янки, – внезапно согласился Салар. – Даже больше, чем ты можешь себе вообразить. Но за Россию ты бы помолчал, араб.

– Вы вобрали арабов, ассирийцев и даже чеченцев с армянами в Алеппо и в Аль-Шайбе в свои «территории», – Араз поставил слово в кавычки, явно подразумевая скепсис, с каким это было сказано. – Пока они согласились. Им это лучше, чем жить под даишевцами или получить пинков от президента Сирии за предательство. Но до тех пор, пока не придется воевать за вашу Рожаву. Арабы не слишком усердствуют в боевых действиях, не так ли, хотя и вступили в ряды YPG.

– Вот ведь назойливый ты, Кабир! Я думаю, здесь скоро ничего не будет. Ни Курдистана, ни Сирии, ни американцев... Придет доктор и всех тут вылечит...

В этот момент диалога Горюнова позвал Ермилов. Они отвлеклись ненадолго, и беседа возобновилась минут через пять. Но разговор пошел уже о другом.

Меркулова не сразу поняла, почему слово «евреи» Араз выделил кавычками. Из контекста никак не следовало, что это сказано в переносном смысле. Да и кого в переносном смысле могут называть евреями? Какой «доктор»? Это что, мифологическое нечто? Может, у курдов есть какое поверье?

Она пошла на кухню за очередной чашкой кофе, запинаясь о рулоны обоев, лежащих в коридоре. Утром должен прийти электрик, чтобы переставить розетку, и можно будет доделать ремонт. Но ей уже было не до ремонта. Олеся торопливо набрала номер телефона и, зажав трубку между плечом и ухом, спросила:

– Аразик, не отвлекаю? Я за разъяснениями. Ты что-нибудь про вашу мифологию знаешь? Ну что ты ржешь? Ай! – она плеснула кофе коту на хвост, и тот цапнул ее руку.

– Чего там у тебя? Смеюсь оттого, что ты неутомимая совершенно. Я бы так не смог. Поэтому я держусь поближе к кухне. Вот теперь и ты смеешься над бедным курдом. Лучше бы сходила со мной куда-нибудь. Давай в Большой?

– Большой подождет, – Меркулова оценила жест, зная сколько стоят билеты в Большой театр. – Ты написал «евреи» в кавычках. Что ты имел в виду?

– Не знаю, что хотел сказать твой приятель-араб... – Араз сделал многозначительную паузу, но Олеся молча ждала продолжения. – Его курд все время называл иракцем. А эти ребята, особенно после вторжения американской коалиции, прозвали американцев евреями. Для них это одинаковое вселенское зло. Твой друг явно жил в Ираке, раз его обработала исламская суннитская пропаганда. Это на подсознании.

Олеся еще раз подивилась, насколько осведомлен Араз, демонстративно отрекавшийся от своей бывшей профессии и от всего, что с ней связано. Она не удивилась бы, узнав, что он под псевдонимом строчит материалы в ведущие СМИ, а скорее всего, в интернет-издания. И эта догадка не пришлась ей по душе.

Она не стала выяснять подробности про «доктора», решив, что эти вопросы лучше разъяснить у других людей, которым больше доверяет. Скажем, у того же самого «араба» или у Ермилова, даже если тот будет ворчать, как обычно, что Меркулова лезет куда не следует.

Телефон Горюнова пробормотал невразумительно по-арабски, наверное, о недоступности абонента, из чего Олеся заключила, что Петр не в России. Небось оставил мобильный в шкафчике в модуле в Хмеймиме и с ксивой Кабира Салима лазит по просторам Сирии, мимикрируя то под араба, то под курда, а то и под турка. Журналистка слышала, как Горюнов говорил по телефону с каким-то турком.

Едва Меркулова дала отбой, подумала, что напрасно ему позвонила. В конце концов, он ведь отлично слышал слова курда и, если и обратил на них особое внимание, вряд ли посвятит ее в свои размышления по этому поводу.

«Да и что такого сказал Салар? – пристыдила сама себя Олеся. – Ермилов меня высмеет».

Она так думала, но сама уже набирала его номер, запоздало встревоженно взглянув на часы. Шел десятый час.

Ермилов в той их совместной командировке годичной давности в Сирию получил легкое ранение, и вежливая Меркулова первым делом спросила, как его драгоценное здоровье, не дожидаясь, когда ей намекнут на поздневечернее время.

Олеся в принципе не страдала деликатностью, вспоминала про этот атавизм интеллигентного человека только по необходимости, а Ермилов привык, что почти из любого разговора, даже кажущегося на первый взгляд бессмысленным, можно выудить пользу для дела.

Меркулова услышала в трубке на заднем фоне детский девчоночий визг, чье-то шиканье, а затем капризное: «Ну па!» Представив полковника заботливым папашей, Олеся улыбнулась. А Ермилов, зажав трубку ладонью, прикрикнул на дочь неразумную: «Наталья, дождешься у меня». Журналистка все же услышала, но никак не отреагировала.

– Ты ведь не о моем здоровье справиться решила? – утихомирив дочь, спросил Ермилов насмешливо. – Раны я зализал. Но ты ведь, лиса, чего-то хочешь?

– Как бы так по телефону сказать? Это как раз связано с той поездкой и моим интервью. Ты помнишь, с кем я говорила?

– Разумеется.

– И кто переводил, ты тоже помнишь? Так вот, он не дословно перевел. Я вернулась к тем материалам, нашла переводчика.

Ермилов вздохнул:

– И что ты там узнала?

– На первый взгляд, ничего, – огорошила его Олеся. – Но... Была пара фраз, которые меня зацепили. Хорошо бы снова туда съездить и переговорить с тем парнем подробнее.

– Ага, – снова вздохнул полковник. – Тебе не хватило одного раза? Может, тебя все-таки контузило тогда? Я бы сделал скидку на контузию, но придется просто-напросто послать далеко и надолго.

– Пошли меня, – обрадовалась Меркулова. – У меня никаких обязательств нет, и я пойду куда глаза глядят. А глаза у меня глядят... – начала было она мечтать вслух о том, как феерично

она развернет свою журналистскую деятельность на полную катушку, если ее никто не будет контролировать.

– Но-но, – строго предостерег полковник. – Я же не послал. Однако ты мне руки выкручиваешь. Посажу тебя под замок когда-нибудь.

– Основания? – напомнила она о юридической стороне вопроса, но с улыбкой, понимая, что и Ермилов шутит, ворчит привычно. Они всегда так пикировались.

– Сделаем так, – он зашуршал страницами, по-видимому, ежедневника. – Я сейчас в цейтноте, впрочем, как всегда. Пришлю к тебе завтра своего сотрудника к вечеру. Где тебе удобно?

– Адрес ты мой помнишь? – Олеся улыбалась, памятуя, как однажды Ермилов явился к ней домой по делу, но немного выпивши перед этим на поминках друга.

– Удивительно, как ты притягиваешь неприятности.

– Почему неприятности? Обычно это приводит к созданию первоклассного материала, – похвалилась журналистка.

– Скромность – это не твоя сильная сторона, – урезонил Ермилов.

Оставшуюся часть вечера Меркулова переписывала интервью на другой диктофон, а рукописный перевод Араза просто отксерила.

* * *

Майор Вася Егоров нажал на дверной звонок, но за обитой черным дерматином дверью царил тишина. Из-под двери пахло то ли дымом, то ли благовониями и... кошкой. Вася чихнул и увидел соскользнувшую с двери на пол записку: «Стучите! Звонок не работает».

Шеф отправил его к журналистке Меркуловой с таким скорбным видом и такими строгими напутствиями, словно на фронт товарища посылал, на верную гибель. А ведь поговаривают в их отделе ДВКР, что Ермилов с журналисткой старые друзья. Мог и сам с ней разобраться.

«Не поддавайся на льстивые речи, забери диктофон, никаких расписок не оставляй, – утешал Ермилов. – Поменьше с ней бла-бла. Она может твой треп записать».

Егоров знал за собой грешок – несдержанность. Вот и тогда после слов шефа он выпалил:

– А отпечатки пальцев тоже там не оставлять, шеф?

Полковник поглядел на Егорова свирепо. Зануда Ермилов известный. Дотошный до дрожи подчиненных. Перестраховщик. Удивительно, что его держат в военной контрразведке, да еще начальником отдела назначили, при том, что пришел он сюда из Генпрокуратуры. Сидит в нем эта изуверская прокурорская начинка.

Вася лукавил, придираясь к шефу. Ермилов ему, в общем, импонировал, хотя и доставал изрядно молодого сотрудника, кадрового фээсбэшника, да еще и потомственного. Отец до полковника дослужился и возглавлял сейчас службу безопасности одного из крупных московских банков, а дед так вовсе генерал-майор. Но тот в нелегалах был, пока не погорел в Австрии еще в молодости. Работал и в Польше. Потому и отец Василия получил имя Стефан. Отец в свое время тоже стремился в нелегалы, да и сам Вася. Но младшему Егорову, кроме английского, языки не давались.

Глядя на черный дерматин двери квартиры Меркуловой, он призадумался, как можно постучать по мягкой обивке. В итоге пошлепал по ней ладонью. Одернул черную курточку и пригладил короткий русый чубчик.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров, и высунулись две головы – женская и кошачья, рыжая и... лающая. За спиной Меркуловой царил темнота. Егоров слегка оробел.

– Я от Ермилова, – кивнул он неуверенно и вытянул шею, чтобы еще раз взглянуть на номер квартиры. Не ошибся ли? Было ощущение, что у него сейчас спросят пароль.

– Не пугайтесь, у меня кот юные годы провел с собаками, отсюда такие дурные привычки. С кем поведешься, того и наберешься. У вас собаки нет?

Напряженный Василий едва не засмеялся. Вот и пароль!

– С собой? – он оглянулся, словно собирался спастись бегством. Похоже, журналистка с приветом.

– Да нет же! Котовский не выносит собачий запах. Может укусить.

– Ах, в этом смысле! Нет-нет, я чист, – пошутил он.

Дверь приоткрылась шире. Внутри тьму с трудом разгонял свет нескольких свечей. Вот откуда пахло дымком.

– Не пугайтесь, – повторила она, – я делаю ремонт, и мне попался электрик-шарлатан. Этот паразит сотворил короткое замыкание. Зато таким образом хорошо маскировать беспорядок в квартире. Давайте куртку и проходите в комнату. Там свечей больше. Не наступите на кота и на обои.

– Как же вы теперь без света? – Василий подсветил себе дорогу фонариком мобильного телефона.

– Завтра четвертую электрика, – то ли в шутку, то ли всерьез сказала Меркулова. – Меня зовут Олеся.

– Василий, – представился Егоров, выискивая место, куда можно сесть без ущерба коту, обоям, краске и рукописям. – Да я, собственно, ненадолго. Мне сказали, что у вас имеется некая аудиозапись. Я бы ее забрал, если вы не возражаете.

– Дело даже не в той записи, а в особенностях перевода, – Олеся крепко схватила его за локоть, подвела к дивану и усадила. Передвинула плошки со свечами на журнальный столик, поближе к гостю. – Вот, читайте. Поясню, это интервью дал мне курдский командир одного из подразделений YPG довольно высокого ранга. Ваш шеф знает, он присутствовал при беседе. Выделенное маркером мне перевели только вчера.

Егоров внимательно прочел все интервью, хотя слезились глаза от свечного света и дыма, и трижды перечитал выделенное маркером, казавшимся в темноте серым. Пожал плечами и прочел еще раз, пытаясь абстрагироваться от странноватой обстановки в квартире незнакомой женщины, дышавшей рядом в интимной близости, и поблескивающих недобро с письменного стола глаз воспитанного собаками Котовского.

– Кто вам переводил? – вдруг строгим, пожалуй, даже ледяным тоном спросил он, встряхнув копии записи Араза.

Олеся опешила от разительной перемены. Паренек, показавшийся добродушным малым, увальнем, выкорыщем мягкотелого Ермилова, на поверку не так уж прост.

Меркулова успела разглядеть его на лестничной клетке. Этаким верзила с русыми коротко стриженными волосами, только челка чуть подлиннее, как в советские годы, на правый бок зачесана, крепкие шея, плечи и руки, обтянутые тесноватой курткой, облегающей избытки мышц, и возмутительной молодости. Немного скандинавское рубленое лицо с острыми скулами, почти квадратным подбородком, ярко-голубыми глазами в обрамлении пушистых ресниц и проступающая светлая щетина в сочетании с именем Вася создавали образ древнерусского богатыря, лежавшего на печи и явившегося по щучьему велению, по меркуловскому хотению.

И вдруг на тебе! Как некультурно: «Кто переводил?»

– Кто надо переводил, – не менее холодно и мгновенно отреагировала Олеся.

– Вы мне на всякий случай имя-фамилию, адресок этого товарища запишите, – продолжал гнуть свою линию «богатырь», еще, по-видимому, не осознавший, что перед ним «владычица морская», то есть владычица пера, видеокамер и мастерица русской словесности во всех проявлениях этой самой словесности.

– Дорогой вы мой, Василий, как вас по батюшке?..

– Стефанович, – буркнул Егоров, чувствуя копчиком, что сейчас ему выпарапают глаза в две руки и в две рыжих мохнатых лапы.

– Так вот, дорогой Василий Стефанович, я вас позвала не переводчика обсуждать, а содержание интервью. Вернее, нескольких странных фраз. Ну если вы не уловили сути, то нет смысла тратить ваше драгоценное время.

При этом Меркулова продолжала сидеть, хотя тон и смысл сказанного подразумевал, что она вознамерилась проводить гостя до порога. Но Вася словно прирос к дивану.

– Хорошо, дорогая Олеся...

– Николаевна, – с улыбкой подсказала Меркулова, уловив изменения в тоне гостя.

– Дорогая Олеся Николаевна, начнем сначала. У вас ведь есть диктофонная запись?

– Угу.

– Хорошо бы мне стать ее счастливым обладателем.

– Могу включить.

– Нет, мне бы ее с собой забрать.

– А там ничего интересного, – беспечно махнула рукой Олеся. – Перевод ведь у вас в руках.

Василий вздохнул и снова принялся читать, пытаясь понять, что от него вообще хотят? И Ермилов, и эта журналистка.

– Включите, – распорядился он.

В темноте комнаты раздались шорохи, голоса на заднем фоне на незнакомом языке, затем заговорил хриловатый голос. «Ни бельмеса не понятно», – покивал Вася, изображая глубокую задумчивость.

– Кто из них кто? – наконец не выдержал Егоров, знаком показав, что можно остановить запись. – Хриплый это кто?

Олеся замялась, не зная, может ли она называть фамилию Горюнова даже Егорову. Годы общения с Ермиловым научили ее подобной осмотрительности, хотя сам Ермилов и сомневался в ее рассудительности.

– Переводчик, – вышла она из положения.

– Тот же самый? – он тряхнул бумагами с письменным переводом.

– Нет конечно. Тот переводил в Сирии. А этот уже здесь. Если ваш начальник сочтет нужным, он расскажет, кто был первым.

Егоров и сам уже догадался. Сопоставил три факта – великолепное знание языка, знакомый голос (его несколько раз Василий слышал по телефону – у Ермилова слишком громкий динамик в мобильном) и дружба с шефом. Все указывало на Горюнова, бывшего уже легендой сначала нелегальной службы СВР, а теперь и УБТ ФСБ, куда он попал, став «погорельцем».

– Допустим, – Вася тоже не произнес фамилию общего знакомого. – Зачем вам понадобился второй перевод? Переводчик тоже кто-то из наших?

– Не из ваших. А первый перевод – не полный. Переводил «ваш» человек как бог на душу положит. Вернее, так, как ему заблагорассудится. Вышел уже в эфир тот, первый вариант. Я решила вернуться к материалу и обнаружила некое несоответствие.

– А вы можете поручиться за достоверность второго перевода? Насколько он квалифицированный специалист?

– Мы ходим по кругу, а вы пытаетесь вывести у меня фамилию переводчика.

– Не помешали бы его установочные данные, – пробормотал Егоров. – Он надежный человек?

– Какая разница? – Олеся вздохнула, и пламя свечей затряслось, словно от смеха. – Это не секретное интервью. Иначе бы ваш начальник отобрал его у меня сразу же, еще там, в Сирии.

Егоров покивал. Он не хотел выглядеть профаном, но все же спросил:

– Может, я чего-то не знаю, а что вас, собственно, в этом дополнительном переводе смущает? Мало ли по какой причине «наш» переводчик скорректировал слова курда.

– Да не интересует меня его мотивация! – начала раздражаться Олеся. – Прочтите еще раз. Только не обращайтесь внимания на лирические отступления.

Василий перечитал и наконец начал понимать, к чему клонит Меркулова. «Доктор». Да, определенно это ключевое слово, проскочившее вроде как мимоходом. В нем содержится какой-то смысл, если переведено правильно. А если нет?

– Я возьму этот перевод? – спросил Егоров, никак не демонстрируя свою догадку. – И нужна сама диктофонная запись.

– Зачем она вам? – Олесе стало скучно. Ермилов схватывал на лету все ее полунамеки, а этот «богатырь с печки» туповат. Или прикидывается? Меркулова решила проверить: – Вы же ничего не слышали настораживающего, так незачем и диктофон брать.

Раздраженный Егоров свернул письменный перевод и бесцеремонно сунул во внутренний карман пиджака.

– И все-таки дайте, – попросил он нехотя.

– Вы не доверяете второму переводу и хотите перепроверить? – разоблачила его Олеся. – Напрасно! Доктор, он и в Африке доктор. На всех языках. Вы ведь на это слово обратили внимание?

– Он вообще адекватный, тот курд? – не стал отвечать Вася, торопливо опуская диктофон в тот же карман. – Может, контуженый?

– Его не сделали бы командиром, – Меркулова пожала плечами, ее подмывало взять с парня расписку, но она не стала перегибать палку и даже решила проявить гостеприимство: – Чайку выпьете?

– В следующий раз, – Егоров встал и начал пятиться из комнаты, выискивая глазами Котовского, чтобы рыжий не напал со спины.

Вася выбрался из квартиры с предосторожностями, вышел из подъезда и с облегчением вдохнул влажный весенний вечерний воздух. Сюда он ехал в надежде под благовидным предлогом свинтить домой пораньше после встречи с журналисткой, проигнорировав обычное вечернее совещание.

Но теперь изменил решение и через сорок минут уже шел по длинному коридору дома два к кабинету, который делил с капитаном Леней Говоровым. Сосед где-то ходил, заперев кабинет, но раз на месте его зимние сапоги, в которые мерзлявый Леня облачается, когда едет домой, значит, скоро вернется.

У Василия на письменном столе стоит модель автомата Калашникова, искусно выполненная из бронзы и дерева, оставшаяся со времен его работы в Ижевске. Он начинал свою службу в Удмуртии, в том числе и в концерне «Калашников», работая в отделе экономической безопасности УФСБ по Удмуртской Республике. Там же, в Ижевске, родился сын Валерка, которому уже одиннадцать лет.

Васю помариновали крепко, прежде чем перевести сначала в московское управление ФСБ, а потом и в центральный аппарат, в ДВКР, куда его перевода затребовал сам Ермилов после одного совместного с УФСБ мероприятия, где Вася отличился. Так он стал военным контрразведчиком.

Об Ижевской части своей биографии Егоров не жалел. Там он настрелялся вдоволь, благо были возможности, и стрелял, как финн Симо Хяюхя в финскую или русский тезка Василий Зайцев – снайпер Великой Отечественной войны. На Хяюхя ему хотелось походить только в меткости, а не внешне (финн схлопотал разрывную пулю в голову, и пол-лица у него словно сползло с черепа). Правда, дожил убийца наших красноармейцев аж до девяносто семи лет...

В связи с переводом в центральный аппарат майору померещились великие перспективы, но мариновать его продолжили и здесь на мелких поручениях вроде сегодняшнего.

Леня блеснул очками в дверном проеме. Красный, встрепанный, явно его шеф пользовал. – Отдыхаешь? – поинтересовался нервным тоном Леня. – Шеф про тебя спрашивал.

Егоров поначалу удивлялся, зачем Ермилов взял в отдел Леонида. Это произошло через полгода после прихода самого Василия. Говоров – панический тип, краснеет, потеет, однако подобное состояние никак не сказывается на его работе. Причем запоминает Леонид все феноменально.

Сам Говоров порой жаловался, что запоминание происходит помимо его воли, и голова похожа на урну у Казанского вокзала, которую обходят своим вниманием городские коммунальные службы. Он незаменим, когда во время работы по какому-либо делу приходится аккумулировать много цифр, фамилий и фактов.

Василий подшучивал над Леной, дескать, научили того мнемотехнике в академии и случайно запустили сложный механизм в мозгах, теперь не остановить. Однако Говоров утверждал, что это у него с детства, и он помнит даже, сколько стоили игрушечные машинки, пистолеты и конфеты, не забыл, как ни старался, имена-отчества-фамилии всех учителей и одноклассников и так далее, и тому подобное. Вася успокаивал: «Раз медкомиссии проходишь, значит, не псих. Все с тобой в порядке».

– Слушай, Леонид, вот ты кладешь информации. Кто у нас по-курдски кумекает? Кто вообще по ним работает?

– «Турки», в академии курдский знают, – пропыхтел Говоров, вставляясь в зимние ботинки. – Позвони Денисову. У них есть ребята, кто с курдами общается. В частности, с русским батальоном. Агентура, то да се. А вообще, Горюнов из УБТ курманджи знает, – он выпрямился и отер взмокший лоб. – Он ведь с нашим Ермиловым дружит. Правда, я думаю, наш-то с ним напрасно связался. Про Горюнова разное говорят. Но факт остается фактом – Ермилов вернулся с ранением. А Горюнов целехонек. И довольный такой. Я его месяц назад видел, он забегал к шефу. Тяжелый человек. Как его в нелегалы взяли?

– Тебя спросить забыли! – Вася уже набирал по внутреннему телефону номер Денисова из турецкого отдела. – Роман Георгиевич, добрый вечер. Что?.. – майор заулыбался. – Не очень добрый? Ну что ж так? А я за помощью. Не мог ли кто-нибудь у вас перевести мне пару фраз с курманджи?.. Да нет, не переквалифицировался.

Говоров заматывался в шарф и прислушивался к разговору.

– Это было бы очень хорошо. Он сам подойдет или мне к вам? Ага. Все, жду.

– Как же, пригласят они к себе. Все таятся. А вдруг чего в коридоре или кабинете услышим? Конспирация, – дежурно повозмущался Леня.

– Ты, кстати, все убрал со стола? – вытянул шею Василий. – Нечего нашими документами светить.

– Так точно. Секретчик нашелся, – уже из-за двери огрызнулся Леонид. – К шефу-то зайди. До завтра!

В ожидании человека, способного подтвердить или опровергнуть перевод с курдского, Василий открыл окно. Снаружи подмораживало, холодный воздух ринулся в душный кабинет через огромное окно. Движение вокруг дома два начинало к этому часу иссякать, размытые красные стоп-сигналы во влажном от мороси пространстве московского центра казались речными бакенами или морскими буйками, обозначающими безопасный фарватер – по направлению к дому. Пахло бензином и кофе, как шлейф уходящего рабочего дня. А Егоров к тому же обонял и запах предстоящего домашнего концерта. Вика не преминет выказать справедливое возмущение. Завтра у Валерки алгебра, а сынуля ни в зуб ногой. Приходится с ним заниматься, благо Василий не гуманитарий, а сугубо человек цифр и четких геометрических фигур. Виктория вообще-то сама инженер, но мать Валерка не слушается и ее объяснения не воспринимает. Приходится отдуваться Васе.

В дверь постучали. Незнакомый оперативник, представившийся Сергеем, внимательно прослушал отрезок записи, так взволновавший сперва Меркулову, а теперь и Егорова. Для чистоты эксперимента Василий не дал ему второй перевод. И получил точно такой же, в котором фигурировал загадочный «доктор», который придет и всех вылечит.

– Но какой это может быть доктор? Шутка, что ли? – пытался добиться хоть какого-то объяснения Егоров.

– Никакой иронии я не уловил, – Сергей взглянул на наручные часы, явно рассчитывая попасть домой в ближайшее время, а не сидеть с приунывшим Егоровым до ночи.

Василий чувствовал себя в роли Валерки, который завтра предстанет перед непробиваемой учительницей алгебры без знаний и с перспективой получить двойку. В роли учительницы для Егорова-старшего выступит Ермилов. Правда, без классического учительского пучка на макушке, а с крепкой залысиной.

Шеф вот-вот потребует отчитаться о визите к журналистке. Вася всеми фибрами души и пятой точкой чувствовал, что звонок уже дал старт из кабинета Ермилова и по опломбированным проводам несется в направлении майора.

– Но это ведь в переносном смысле «доктор»? – грустно спросил Егоров. – Не врача же он имел в виду.

– Я бы подумал, что это прозвище, – Сергей шмыгнул носом и снова взглянул на часы. – Доктором ведь может быть и некто имеющий высшее образование. Вот в Бразилии, скажем, тех, кто окончил любой институт, всех «доторе» зовут. И не обязательно медицинский. Сечешь?

Вася кивнул, но не отцепился и зашел с другой стороны:

– Ты знаешь тот регион. Если курд так говорит, кого он может подразумевать? Утверждает, что никого не будет – ни арабов, ни американцев, ни курдов. Спрашивается, какой национальности этот самый «доктор»?

– Я бы спросил по-другому, – Сергей встал, собираясь потихоньку перемещаться к двери, чтобы побыстрее уйти. – Что должно произойти, чтобы там никого не осталось? Ядерная бомба, что ли, упадет?

Они переглянулись.

– Так-так, – сказал Вася, пряча переводы в папку.

– Пойду я, – улыбнулся Сергей, – а то мы с тобой договоримся бог знает до чего.

Едва он ушел, раздался телефонный звонок.

– Да, шеф, – вкрадчиво ответил Вася, он так упорно называл Ермилова, хотя тот заметно раздражался по этому поводу. – Почему пропал? Занимаюсь поставленной задачей. Сейчас.

Василий захватил с собой папку и диктофон и предстал перед Ермиловым, который, наверное, собрался ночевать сегодня на работе. Полковник поливал несколько кустов алоэ, стоящих на широком подоконнике рядом с кофемашиной.

– Садись, – велел он. – Чего не докладывал? Я уж начал было думать, что тебя Меркулова в шрепере порезала на полоски. Как впечатления?

– От журналистки или от информации? – съехидничал Василий, но, увидев строгий взгляд серых глаз Ермилова, осекся и все же поделился впечатлениями: – Там странновато у нее. Темнота, свечи горят, рыжий кот лает... Не хватало только магического шара... – не замечая реакции на бесстрастном лице полковника, Егоров скороговоркой изложил все, что узнал, и заключил: – Не уверен, что за этим вообще кроется хоть что-то стоящее...

Ермилов молча читал перевод, не прислушиваясь к доводам майора. С одной стороны, он доверял чутью Меркуловой, а с другой – сам за годы работы убедился, что из пустяка порой вырастает нечто полезное, и не пренебрегал деталями. Впрочем, эти детали иногда могли оказаться пустышками и накрыть как пирамидой Хеопса. Придавят и не разгребешь. Но полковник умел вычленивать главное.

– Значит, так, – он снял очки и прихлопнул ладонью по бумагам. – Надо порассуждать. Слова курда выглядят как попытка нас предупредить?

Егоров с тоской взглянул в черное окно, отражавшее люстру в кабинете, и кивнул.

– Записи исполнился год. Жив ли ваш курд? – Василий понял, к чему клонит Ермилов.

– Выясним... Это второстепенно, – отмахнулся Ермилов. – Он назвал арабов, американцев и курдов, хотя мог просто сказать: «Тут никого не будет. Придет доктор и всех вылечит». Смысл тот же, да не тот. Кого он не назвал из заинтересованных сторон?

– Сергей из турецкого отдела решил, что «всех вылечит» – намек на ядерный удар, – встрял в рассуждения Василий.

– Какой еще Сергей? Зачем было его привлекать? Что за самодеятельность?

– Лучше было вашего Горюнова?

– При чем здесь он? Хотя нам и в самом деле не помешал бы его совет. Но Петя сейчас в Сирии, в своей стихии, – Ермилов поджал губы, недовольный, что разоткровенничался с упрямым Егоровым.

– Почему он так плохо перевел? – вредничал Василий.

– Полагаю, из соображений безопасности. Меркулова уж очень активная. Меньше будет знать, нам меньше проблем. Но, как видишь, она все равно сунула любопытный нос. Я видел курда собственными глазами. Честно сказать, не показалось мне, что он собирался нас о чем-то предупредить... Так, кто еще не упомянут в этом списке? Израиль. Иран. Турция. Катар. Саудовская Аравия...

– Да там каждая собака жаждет получить и часть территории раздробленной уже Сирии, и нефть. Но кто осмелится и, главное, сможет выгнать оттуда американцев? Вот в чем главный вопрос. Тогда список значительно уменьшается.

– Соображаешь, – уважительно согласился Ермилов. – Остается Израиль, пожалуй, Иран... – он замолчал, прикидывая варианты. – Нет, это гадание на кофейной гуще.

– Я бы и Турцию со счетов не сбрасывал. Все-таки они в НАТО. Может, речь о банальной ротации? Сменят американских военных на турок, и дело с концом. А нам от того ни тепло ни холодно.

– А доктор, который всех вылечит? – напомнил полковник. – В этом заключена некая агрессия. Сам посыл фразы.

– У меня возникает еще один не менее любопытный вопрос, – оживился Егоров. – Откуда курд из YPG владеет информацией о каких бы то ни было перестановках сил на территории Рожавы?

Ермилов улыбнулся и покивал. У него мысли двигались в том же направлении:

– Если курд завербован одной из спецслужб упомянутых государств, тогда зачем ему о чем-то там намекать русской журналистке, мутному типу-переводчику и псевдожурналисту, роль которого исполнял я?

– Решил переметнуться? Почувствовал, что вы непростые ребята?

– Ребята? – хмыкнул Ермилов. – Там простые не лезят по территории. Кто мы, я думаю, он догадывался. Или предполагал, что мы действуем с подачи российских спецслужб. Возможно, он стал бы более откровенен, если бы не Горюнов, который не скрывал, что из Ирака. Завербованный ЦРУ араб из Багдада, появившийся в гостях у Салара Махуба с целью... – Ермилов пощелкал пальцами, – скажем, провокации или проверки. Про него Салар мог так подумать.

– Все можно выяснить, только взяв курда за одно место, – Егоров легонько ударил кулаком по столу для совещаний, около которого сидел откинувшись на спинку стула.

– Да, Горюнов нам в этом здорово помог бы, – с досадой на отсутствие друга сказал Ермилов.

– У нас и без УБТ в Сирии есть возможности. И отыскать курда, и вытряхнуть его из норы.

– Ты, я гляжу, в Сирию собрался? – с усмешкой поинтересовался полковник. – Мечтать не вредно! Там и без тебя справятся.

– Я так не думаю, – возразил упрямый Егоров, набывчившись.

– Да погоди ты! – прикрикнул Ермилов, обычно сдержанный, особенно с подчиненными. Егоров порой напоминал ему сына Петьку в детстве. Сын уже вырос и работал кардиологом в Морозовской больнице, но в юные годы своим упрямством и умением попадать в идиотские ситуации выводил спокойного Ермилова из себя. – Прежде чем куда-то нестись, необходимо иметь обоснование для руководства. И железные основания, по которым мы, так или иначе, начнем работать с этим курдом.

– Плотно работать, – уточнил Егоров.

– Не торопись, – уже мягче остановил его полковник. Он понимал, что Егоров засиделся на рутинной работе в отделе. Ему докладывали, что парень любое свободное время проводит в тире. Стреляет он в самом деле отменно, но ведь надобно в их работе более всего головой работать.

– Ну какие могут быть обоснования? – приуныл Егоров и попытался рассуждать в который уже раз за сегодняшний вечер: – Есть сигнал Меркуловой, назовем это так. Она не случайный человек, правильно? – он быстро взглянул на шефа, тот кивнул. – Интервью она брала, можно сказать, в вашем присутствии. То бишь никакого подлога нет. Да? Мы подозреваем, что курд агент одной из спецслужб. Это могут быть ЦРУ, МИТ⁷, Моссад... – он обескураженно замолчал. – Информации мало.

– И я о том же.

– А что если психолого-лингвистическую экспертизу назначить, а?

– Это дело, – согласился Ермилов, записывая что-то в ежедневник. – У нас эту экспертизу как раз УБТ чаще всего применяет. Ее ведь только в 2011 году ввели официально. Мы и раньше, конечно, нечто подобное делали, но теперь наши экспертные подразделения сами занимаются согласно поправке к приказу. Там речь идет в основном о выявлении невербальных призывов к экстремизму и терроризму. Их этот аспект волнует.

– Да, но наши спецы могут определить целеустановку автора любого текста, – с легкой обидой, что шеф ловко перехватил инициативу, сказал Егоров. – Неважно, террорист он, экстремист или «ищущий любви» у другой спецслужбы курд. Они должны его вскрыть, как консервную банку. Кстати, если удастся, по интервью составить и его психологический портрет, чтобы знать, с какой стороны к нему подходить...

– В какой-то степени Меркулова частично и провела такую экспертизу. Уловила как филолог посыл в словах курда, его желание выйти на контакт с серьезными людьми из российских спецслужб.

– И все-таки не спешим ли мы с выводами? – вдруг засомневался Василий. – Два-три слова, намек и привет: раздули костер.

– Я так не думаю, – пресек его попытки отступить Ермилов. – Более того, я сделаю, – он взглянул на часы, – уже завтра запрос в СВР, что известно по Салару Махубу.

– Время потеряем. Пока они со своей агентурой свяжутся, пока те пошевелят извилинами, пошуршат по сусекам, пока передадут информацию, а эсвээрщики отфильтруют, что себе приберечь, а что нам отдать, «доктор» придет и вылечит... Надо провести разведку боем.

– Эк тебя кидает! То говоришь, из мухи слона раздуваем, то вскачь несешься, в атаку. Нет, брат, так мы дров наломаем. Подождем. Сделаем экспертизу, запрос. А пока прикинем

⁷ МИТ (*тур.*) – национальная разведывательная организация Турции.

варианты – кто этот Доктор? Поглядеть в нашей базе данных надо. Ловишь мысль, Василий Стефаныч?

– Поймал, – Егоров поднялся с кислым выражением лица. – Житья мне нет от этих бумажек. Хочется проведения серьезных спецмероприятий, разработок шпионов. А я все на подхвате, да и Говоров тоже. А он, между прочим, башковитый парень.

– Все вы башковитые, – полковник спрятал очки в футляр и сунул их в карман пиджака. – Только давай без самодеятельности. Мне нужен этот Доктор, кем бы он ни был...

* * *

Василий постоял на лестничной клетке пятиэтажки-хрущевки. Тут всегда темновато, пахнет едой из квартир, кошками и геранью, стоящей на подоконнике между вторым и третьим. Старушка с первого этажа ухаживает за цветами.

Егоров вырос в этом доме. Когда он вернулся в столицу из Ижевска с семьей, родители переехали к деду, оставив Василию двухкомнатную квартиру.

Поднимаясь к себе на третий этаж, он нарочно задевал плечом почтовые ящики, висевшие елочкой вдоль лестницы, испытывая ощущение, словно старого приятеля толкнул по-дружески в плечо. Дом отзывался звяканьем сломанных дверок на ящиках, некоторые распахивались, как выставленные для хлопка синие узкие ладони, исчерканные черным маркером.

Открыв дверь, Василий уже из коридора увидел диспозицию. В микроскопической двушке ничего не утаить. Вот ноги Вики в красных тапочках с пушистыми помпонами – значит, она сидит в кресле и смотрит телевизор. Чуть дальше в смежной комнате, куда открыта дверь, видна тощая спина умученного алгеброй Валерки за письменным столом. Правда, что-то в спине сына было еще подозрительно смиренное...

Егоров побрел к шкафу, переступив через ноги Виктории, которые она и не подумала убирать. Дуется, но надолго ее не хватит. Она хохотушка невозможная. Палец ей покажи, и уже заливается. Только с таким характером можно было выдержать житье-бытье в той служебной норе, где им пришлось кантоваться в Ижевске несколько лет. Да еще с грудным ребенком. Да еще работая инженером в концерне «Калашников». В Москве Василий пристроил жену в одно из закрытых оборонных предприятий.

Вася посмотрел на макушку жены с растрепавшимися каштановыми кудряшками, почувствовал желание чмокнуть преданную подругу в макушку, но подруга сказала:

– Нечего смотреть на меня, как голодный щенок. Иди на кухню, там все на плите. Разогревала уже столько раз, что котлеты усохли до размера фасоли.

– Сойдет и фасоль, – повеселел Василий и увидел на оружейном шкафу около замочной скважины еле заметные тонкие царапины. – Валерий, а ты случайно не пытался булавкой замок вскрыть? – поинтересовался он сурово.

Валерка уже и так, кажется, не дышал, обмирая за письменным столом.

– Это мама твою заначку искала, – нашел он в себе силы не только ответить, но и отвести от себя подозрения.

– Ха! – произнесла Вика.

Егоров так и не понял, кто же из них все-таки играл роль медвежатника, но превентивно пообещал в пространство:

– Полезешь к оружию, всажу заряд соли в задницу! – Пускай гадают, к кому это он обращался. Тем паче заначка у него в оружейном шкафу все-таки лежит.

Вася скинул пиджак, галстук и рубашку, оголив крепкий тренированный торс. Кроме стрельбы он еще некоторое время занимался кик-боксингом. А по пулевой стрельбе Егоров мастер спорта – из крупнокалиберного пистолета и винтовки. Накинув домашнюю клетчатую рубашку и прихватив с письменного стола ноутбук, он удалился на кухню.

Окна еще заклеены, на кухне сохнет белье под потолком, пахнет подгоревшими котлетками, которые тем не менее оказались вкусными. Проглотив их, Василий открыл ноутбук и решил пойти обычным путем – прошерстить доступные источники.

Если в интернете бывают «утечки», они сделаны аккуратно и профессионально, с подачи спецслужб. Случайностей в этом деле не происходит. Вот тогда нужно самому быть и лингвистом, и психологом, чтобы отсепарировать намеренную дезу от того, что пытались закамуфлировать. Службы по дезинформации в сфере медиа напоминают порой самца в птичьей паре, который, притворившись подранком, уводит хищника от собственного гнезда.

В поисках Доктора он сперва узнал, что доктор исторических наук Лазарев, востоковед, писал о курдах. Прослушал репортаж на курманджи про доктора Сулеймана, прочитал комментарии доктора Биждана по поводу выборов, прошедших в Иракском Курдистане, и про доктора Шамилова – курда-езида. Затем увидел статью про курдского врача, живущего в Швеции и создавшего искусственное сердце.

– Вот и молодец, – порадовался за изобретателя Егоров, бросив печенье в рот. – Этих курдов и правда до фига!

– С кем ты там разговариваешь? – крикнула из комнаты Вика. – И что у тебя на пиджаке за рыжие волосы?

Вася промолчал, решив, что проблема рассосется сама собой, и снова уткнулся в экран ноутбука.

Его позабавила статья доктора медицинских наук Эриксона начала двадцатого века по этнопсихологии. «Курды – народ, беспощадный к врагу и ненадежный в дружбе. Нравственность их вообще очень низка, суеверие чрезвычайно велико, а настоящее религиозное чувство развито крайне слабо. Война – их прямая врожденная потребность и поглощает все интересы».

«Эриксону, конечно, виднее, – подумал Василий. – Насчет религии и нравственности бы на его месте помалкивал. Курды за своих братьев голову сложат и геройства там не меньше, чем у других. А дружба... Какая может быть дружба, скажем, с американцами? За деньги – это не дружба. Вообще, дружба дружбой, а табачок врозь».

– Васенька, так откуда эти рыжие патлы? – ласково спросила Вика, сунув мужу под нос пиджак.

– Это кошачьи, – не менее ласково ответил Егоров, понимая, что слова звучат дурацкой отмазкой.

– И где у вас там на работе коты водятся? – поинтересовалась она.

– Ну что ты женские волосы от кошачьей шерсти отличить не можешь? Под микроскопом их еще исследуй! Ты видишь, я работаю?!

– На работе не наработался. Господи, да ухожу я, ухожу! Сейчас глазищами своими дырку прожжешь! Мало мне Валерки, так ты еще как упрямый подросток-переросток. Тебе бы в пистолетики свои играть. Сколько ты денег вбухал во все эти железки?

– Виктория, мы уже забыли об этом. Не так ли? Винтовку мне дед подарил с генеральской пенсии.

– Такое забудется! А все остальное? И как мы это перли из Ижевска!.. Я никогда не забуду. Две сумки оружия и патронов. Как террористы. Маленькая армия под предводительством Васи Егорова, – она, не удержавшись, засмеялась. – А как выпучил глаза участковый, когда пришел к тебе осмотреть шкаф...

Василий отмахнулся и снова занес пальцы над клавиатурой ноутбука. Он вспомнил, что предположил Сергей из турецкого отдела: доктор не связан с медициной.

«Допустим, – кивнул Егоров, глядя в пустую поисковую строку. – Вбиваешь слово „доктор“, и в первую очередь возникают реальные доктора. На худой конец, доктора каких-нибудь наук. Так. А если написать „доктор наук“... Не важно каких. А далее... Вот я болван! Зачем

искать среди курдов? Надо исключить американцев, курдов и сирийцев. Попробовать турок, что ли?»

– Снова профессура пошла, – проворчал Вася и тут же засмеялся, прочитав: «Доктор наук Явуз Орнек утверждает, что пророк Ной разговаривал с сыном по мобильному телефону». – Так крыша поедет, если не добавить еще какие-то вводные.

Он потянулся, одолеваемый сном. Пришлепал босиком Валерка с учебником под мышкой. У него встрепанный русский чубчик, который он по утрам по полчаса мочит перед зеркалом, чтобы волосы стояли дыбом – какая-то новая школьная мода.

– Па! – жалобный взгляд таких же голубых глаз, как у отца. – Задача не решается.

Сын примостился рядом на край кухонного уголка с мягкой коричневой обивкой, прижался к боку Василия – само воплощение сыновней любви. Васе проще самому быстрее решить задачу и сбегать Валерку в комнату, чем препираться и заставлять сына «рассуждать, включить мозги, подумать о решении, вспомнить формулы, испытать угрызения совести».

Через пять минут довольный Валерка ускорил шаг. Егоров тоже клевал носом и все же добавил в поисковую строку «спецслужбы».

Сонливость как рукой сняло, когда он увидел первые строчки статьи и узнал, что нынешний глава МИТ является доктором политологии. Егоров лихорадочно начал искать и читать статьи о Халюке Фырате. Обнаружил, что турки сами частенько называют Фырата доктором.

«Если это то самое, искомое, – прикинул Василий, – то курд намекал, что скоро на территории Рожавы будут именно турки. Ничего особо удивительного. Турки туда стремятся всеми фибрами души, чтобы раз и навсегда разобраться с курдами. Однако там находятся и базы американцев. Тогда под каким соусом придут турки? Все же произойдет натовская ротация? Или готовится нечто совершенно другое?»

Егоров по сути своей оперативник. Он предпочел бы побегать, пострелять, преследуя шпиона, допрашивать с пристрастием. Ковбоем его называли еще в академии, в основном за успехи в стрельбе. Подшучивали, конечно, не без этого. Теперь Василий не столь горяч. Не то чтобы потух и вовсе не укатали сивку крутые горки, но добавилось к порывистой натуре аналитическое начало. Появилась склонность замечать детали, мимо которых раньше со свистом проскакивал.

Он взял за правило все текущие новости вечерами, а то и ночами, сводить в свой гробс-бух. Папки с вшитыми прозрачными файлами наполнялись сведениями по Ближнему Востоку, и не только, систематизировались им по времени и тематически. Никакого секрета папки не содержали. Отчасти они напоминали сетку координат. Понадобятся архивные данные, он будет знать, в каком квадрате искать.

Но для Егорова наконец многолетние труды обернулись пользой. Он с удовлетворением полез в шкаф в коридоре, где Вика со скрипом выделила ему полку на антресолях для его персонального архива. Вытащил папки по Сирии. Через минуту погрузился в чтение.

В начале прошлого года турки уже начали предпринимать шаги в продвижении на чужие земли. Провели операцию «Щит Евфрата», конечно, под благовидным предлогом обеспечения безопасности своих границ. С желанием оттеснить курдов.

Атаковали кантон Африн. Впрочем, тогда он уже назывался не кантоном, а регионом, входившим в Демократическую Федерацию северной Сирии.

Вместе с турками в рядах оккупантов оказались и аннусовцы, и игиловцы. Турки заявили, что курды из YPG ушли с территории Африна 18 марта.

Да, они бежали. Более двухсот тысяч из Африна, Азаза, Эль-Баба. Те, кто уцелел. По разным подсчетам, погибли от полутора до трех с половиной тысяч бойцов и мирных курдов. Под бомбежками и затем в ходе прямых боестолкновений.

Те, кто вознамерился остаться в своих домах, на своей земле, попали под каток турецкой «благонамеренной» операции. Похищения, пытки, расстрелы. А затем и вовсе запрет курдского языка. Для коммуникации остались только турецкий и арабский.

В города Раджу, Бюльбюль и Джандарис хлынули бежавшие из Гуты боевики. Довольно пестрая толпа, объединенная одним горячим желанием резать-убивать. Группы «Файлак аль-Рахмани», «Джайсал аль-Ислам», «Тахрир аль-Шам» и «Ахрар аль-Шам».

Они рука об руку с турками начали насильно обращать в ислам оставшихся жителей приграничных городов. Некоторым просто-напросто некуда было бежать. В Африне два десятка деревень езидов фактически уничтожили и турки, и боевики. Ограничили туда доступ.

В Турцию потянулись грузовики с ящиками, наполненными экспонатами из разграбленных музеев. Более пятнадцати тысяч культурно-исторических объектов ушло тогда из Сирии.

А под обломками разбомбленных домов еще долго лежали раздутые трупы. Шел дождь, и обездоленные жители этих небольших сирийских городов уже даже не хоронили своих, а просто бежали куда глаза глядят. Лишь бы подальше от этих страшных мест, где пока что развевались кроваво-красные флаги Турции, которые вот-вот почернеют. Так же, как свернувшаяся кровь чернеет, так не замедлят вывесить на домах игиловские знамена. Хотя в представлении курдов красный турецкий флаг просто имел обратную сторону – черную, с шахадой «Нет бога, кроме Аллаха».

Эта сентенция не вызывала в принципе отторжения у курдов, в большинстве своем сунитов. И тем не менее не имела ничего общего с настоящим исламом. Как бывают обманные интернет-сайты, двойники, так и здесь. Но там хотя бы может отличаться одна или две буквы в написании названия, а тут один к одному. Уловить различия получится разве что по кровавому следу, тянущемуся за бойцами, шествующими под этим флагом по Сирии и Ираку, а теперь перемещающимся к Афганистану и Туркмении.

Собственно, турки еще во время операции «Щит Евфрата», переросшей в операцию «Оливковая ветвь», заявляли, что имеют виды на Манбидж, Кобани, Рас-эль-Айн и Эт-Тель-эль-Абьяд. Как раз в районе Манбиджа находятся американские базы. Возможно, курд опирался в своих предположениях на те заявления турецких властей?

«Но почему назвал именно главу спецслужбы, а не, скажем, самого президента? Дескать, придет Главный и всех тут вылечит. Или, на худой конец, могло прозвучать так: „Придут турки и всех вылечат...“ Нет, он хотел сказать именно про шефа МИТ. С какой целью? Что-то нам сообщить, предупредить? – ломал голову Василий, упершись ладонями в подбородок, колючий от пробившейся к вечеру щетины. Так же его кололи десятки неразрешенных пока вопросов. – Как вообще можно вообразить операцию, подобную „Щиту Евфрата“, довольно агрессивную, с бомбежками и боями, на территории, контролируемой американцами? Без потерь такое однозначно не пройдет. Поэтому должно быть согласие американцев. А с какого перепуга они согласятся? Кормили курдов, вбухали тонны долларов и вдруг запустят в свой огород неконтролируемых турок? Что-то тут не клеится».

Василий захлопнул папку, решив завтра заняться вплотную Доктором. Подключить надо тяжелую артиллерию центральной базы данных, и не только потому, что по Доктору в мелкокалиберном архиве Егорова ничего путного не нашлось. Ну есть такой тип. Вероятный противник, как и всякий представитель любой спецслужбы за границами России – как с запада и востока, так с юга и севера. В этом деле друзей не бывает. Коллеги!

* * *

Эксперт из Института криминалистики ФСБ оказался довольно молодой женщиной в темно-синем строгом костюме с юбкой за колено, хотя, как невольно отметил Егоров, такие ноги прятать незачем. Эта некстати скользнувшая мысль заставила его упорно смотреть только

на ее лицо, отчего Марина Станиславовна покраснела. Она занималась анализом диктофонной записи, а фактически руководила группой специалистов, которых ей понадобилось привлечь к разбору.

В принципе достаточно было отдать Егорову заключение, однако экспертиша пожаловала собственной персоной, догадавшись, что наверняка понадобятся разъяснения. Как видно, не рассчитывала на умственные способности оперативника.

– Задали вы мне задачу, – сказала Марина.

Она сидела у короткого переговорного стола в кабинете Егорова. Вася поставил перед ней чашку с чаем. Говоров убежал куда-то по своим делам.

– Тем не менее вы быстро все сделали.

– Только потому, что интервью не объемное. К тому же не требовалось анализировать двух других собеседников. Что касается курда... – Марина разложила перед собой страницы заключения, собираясь с мыслями. – Вы так пристально смотрите, словно у меня с лицом что-то не в порядке, – не выдержала она.

– Я просто внимательно вас слушаю, – моргнул Василий, заметив, что у нее родинка на щеке, едва заметная точка. Он уставился на эту коричневую мушку.

– Первая сложность – языковая. По-хорошему, необходимо, чтобы эту экспертизу проводил носитель курманджи. Мне удалось заполучить только переводчика. На безрыбье и рак рыба. Вторая – не все слова различимы из-за качества записи. Однако более-менее с этим справились. Хорошо, что не пришлось идентифицировать личность. Что касается его национальности, ни по тем данным, что мы получили от вас, ни по самой лингвистической экспертизе то, что он курд, не вызывает сомнений.

– Это все, что вы смогли? – Вася оторвал взгляд от родинки и снова взглянул Марине в глаза, отметив, что они серо-зеленые и слишком уж серьезные. Ловеласом Вася себя не считал, но женщина ему понравилась, и это мешало сосредоточиться.

«Пришел бы страшный очкарик с козлиной бородкой, – подумал майор в тоске. – Так нет, нарочно присылают таких...»

– Вы, кажется, скептически настроены, – она восприняла его тоску во взгляде за недоверие. – Вечно вы торопитесь. Вам все и сразу надо. Дослушайте сперва.

– Я весь внимание, – степенно кивнул Егоров.

– Человек этот предположительно не имеет не то что высшего образования, но и не окончил школу. Обрывочные знания, полуграмотная речь. Как бы у нас сказали пренебрежительно, «деревня». Он воевал, как я полагаю, лет с двенадцати-тринадцати. Его лексика подразумевает нахождение в мужском обществе.

– Ну это не говорит за то, что он воевал. Курды – сунниты, а это ведь мужское общество, как ни крути. Пацаны с матерями проводят всего несколько лет. Потом выются около отцов.

– И все же, он вырос не просто в мужском обществе, а воевал. Более того, он рос не с родителями. Возможно, под покровительством брата или дяди.

Василия подмывало спросить, кто Салар Махуб по гороскопу, что было, что будет... Гаданиями и мистикой пахивало от слов экспертиши. «За что боролись, на то и напоролись, – Вася отпил чая, – сам связался с этой экспертизой».

– В тексте экспертизы разъяснено и обосновано научно все, что я сейчас говорю. Это не гадание на картах, а я не цыганка.

Майор вздрогнул из опасения, что свои мысли он все-таки озвучил.

– А я ничего такого... – начал было он.

– Его восприятие человека, который переводил во время интервью, говорит об очень многом, в том числе и том, что я только что озвучила. Переводчик, судя по его тону, человек непростой, волевой и довольно легко подчинил своей воле курда, вынудив его играть по своим правилам. Курд, будучи хозяином положения, принимающей стороной, как это ни странно, не

стал противоречить, но и до конца не откровенничал из-за вызывающего и провокационного поведения переводчика.

– Переводчик поддавливал намеренно? – заинтересовался Егоров.

– У меня не было задачи его анализировать. Но он очень любопытный персонаж, – она заулыбалась. – Нет, он такой от природы. Он давит, давит, как скала. Не хотела бы я оказаться на месте противников этого человека. Очевидно, что он воевал и убивал. Знает курдов и понимает их настолько, что я сперва приняла его за курда. Однако хозяин не считает его своим и тем не менее морально подчинился.

– Может, сыграл роль авторитет упомянутого в разговоре Карайылана?

– И это тоже.

Марина хотела перейти к следующему вопросу, однако у Егорова разгорелось любопытство. Он теперь не считал, что эксперт сродни гадалке. Горюнова она разложила на составляющие довольно легко.

– Почему переводчик переводил выборочно?

Эксперт взглянула на оперативника с легким удивлением:

– Вы видите в этом какую-то злонамеренность? – Не дождавшись ответа майора, она, помолчав, сказала: – Тут я могу ошибаться. Недостаточно его личных высказываний во время интервью. Мне показалось, что ему просто очень скучно. Для него это проходное мероприятие. Он несколько нервозен от предвкушения чего-то. Я не знаю, что последовало за интервью... Но мне и не надо. – Она заглянула в свои записи и продолжила: – Если брать анализ достоверности сказанного им, курдом я имею в виду, процентов тридцать правды. Психотип конформный. Это удачно подсветил ваш переводчик. Еще совсем немного, и курд стал бы соглашаться во всем с вашим товарищем.

Егоров не клюнул на ее психологические наживки: «ваш переводчик» и «вашим товарищем» – она зря старалась. Он не отреагировал, только напрягся, что эксперт возвела Горюнова в ранг королей непринужденной вербовки. «Чего ж он при всей его ловкости оказался среди погорельцев?» – ядовито подумал Вася.

– Конформный тип улавливает настроения окружающих и может их транслировать довольно красноречиво, увлеченно. Но своего мнения по глобальным вопросам не имеет. Ищет лидера, кто будет идти впереди, расталкивая всех локтями. А он следом, на готовое. Если начинаются трудности, он продолжает двигаться за лидером, однако поглядывает по сторонам, выискивая нового хозяина. Лизоблюд по сути, но неглупый. Подхалим, но способный найти аргументы для самоуспокоения и для окружающих тогда, когда ему надо подстроиться под нового лидера, который ему кажется более выгодным. А выгоден тот, кто на пике успеха и популярности. Это, в целом, об его характере.

Марина вспомнила про остывающий чай и с невозмутимым видом стала пить, поглядывая на замершего на стуле с прямой спиной Егорова. Он сидел боком к столешнице, и его взгляд предательски сползал на ноги экспертши в черных туфлях-лодочках. Маленькие ножки, узкие ступни... Она уже начала что-то говорить, и Василий тряхнул головой, с трудом переключившись.

– Но сейчас его психологическое состояние нестабильное. Такое, как у человека, с оптимизмом смотревшего вдаль, встав повыше на табурет, и не заметившего, что ему в этот момент накинули петлю на шею и вот-вот выбьют табурет из-под ног. Имплицитное беспокойство, нервозность. Он на любое замечание переводчика реагирует вспышкой, хотя мог бы смягчить ситуацию.

– Какое беспокойство? – переспросил Вася, наморщив лоб.

– Скрытое, неявное, – пояснила Марина. – Он в стрессе, положение его неустойчивое. Он чего-то сильно боится, однако не впадает в депрессию и активно ищет выход из какой-то жизненной неурядицы.

– Может, ему жена изменяет? – ляпнул первое пришедшее на ум Егоров и поймал на себе снисходительный взгляд.

– У курда такой вопрос вряд ли стоит на повестке дня. Сомневаюсь, что он вообще женат. Хотя... – Марина постучала кончиком ручки себя по носу. – Если и так, то его жена далеко от него, о ней, скорее всего, заботятся его дальние родственники. Не исключаю, что она живет у тех самых брата или дяди, кто его воспитывал.

– Вы прямо мыльную оперу живописуете. Там, наверное, фигурирует и внебрачный сын, и...

– Не смешно, – одернула его Марина. – Вы-то, собственно, какие цели преследуете? Я могу скорректировать заключение, если оно вам покажется неполным или не соответствующим вашим ожиданиям. Передо мной поставили не так много вопросов, и я толком не поняла сверхзадачу.

Егоров встал, прошелся вокруг стола, постукивая пальцами по столешнице, прикидывая, как лучше сформулировать.

– Как с этим человеком разговаривать? Он готов сменить лидера, вы сказали? Но что для этого необходимо?

– Не думаю, что слишком большие усилия. Он на грани. Главное, его убедить, что лидер в самом деле влиятельный и даже могущественный, способный защитить. Курд крепко боится кого-то или чего-то. Удастся его успокоить, создать комфортную обстановку, и он пойдет на все. Деньги в данном случае не приоритет. Безопасность и стабильность – вот конфетка. Надо прощупать, насколько он привязан к семье – брату или дяде, жене, детям, если все же они есть. И если привязан, обеспечить им безопасность – это тоже станет для курда веским доводом в пользу нового лидера.

– А как вам фигура доктора? Вы обратили на нее внимание?

Марина замешкалась с ответом:

– Честно сказать, я не сочла это ключевым моментом в разговоре. Так, оговорка. Помоему, абстрактное понятие.

Вася недовольно дернул плечом, подумав, что сейчас Марина Станиславовна мысленно составляет и его психологический портрет. Это его взбесило. «Самое главное, она „не сочла ключевым“!» – Вася про себя выругался нехорошими словами, а вслух сказал:

– Вас не удивила эта фраза?

Марина замолчала надолго. Василий прохаживался по кабинету.

– Она не то чтобы удивила, я по ней оценила его эмоциональное состояние. Здесь, – она подвинула по столу один из листов заключения экспертизы, – вот посмотрите, согласно графику видны всплески и спады во время его речи. Плохо, что она прерывалась вопросами журналистки и пререканиями с переводчиком, это сбивало темп и меняло настрой. И тем не менее. Слова о докторе, предшествующая и последующая фразы у него самые эмоциональные. Даже перехватило дыхание.

– А говорите, «не ключевая», – Егоров склонился над графиком. – Потом, я гляжу, идет спад, – он провел пальцем по кривой линии. Палец у него выглядел серым от оружейной, въевшейся за годы смазки. Но экспертша не знает, что он стрелок. Вася торопливо отдернул чумазый палец.

– Я просто оценивала эту фразу не по смыслу, а по эмоциональности. К семье она не имеет отношения, выражает только его страх и злобу.

* * *

– У тебя вид словно ты из парной выскочил. Только без веника, папочка какая-то под мышкой, – полюбопытствовал Говоров, заваривающий чаек. Он успел вернуться в кабинет, пока Егоров проводил эксперта до лифта.

Говоров любовно положил в чай дольку лимона. Развернул конфетку, ножом разрезал ее на кусочки и собирался устроить себе передышку посреди рабочего дня.

Егоров выхватил у него из-под носа чашку с ароматным чаем. В два больших глотка, даже не поморщившись, что горячее, проглотил вместе с лимоном. Только шкурку выплюнул метко в корзину для бумаг под своим столом.

– Хулиган, мальчишка! – прокомментировал Леня, отрезая еще одну дольку лимона. – На ходу подметки рвет! Что тут за девица с тобой была? Ты из-за нее такой нежно-малиновый колор приобрел?

– От усиленного мыслительного процесса. Включай свой механический мозг, будем Доктора препарировать. Я уже с утра потревожил наших архивистов. Но ты же знаешь. В одном архиве одно, в другом еще что-то. Почти неделя прошла в ожидании экспертизы и архивных данных о Докторе. Нужна твоя память.

Говоров был в курсе дела, над которым корпел Егоров. Шеф велел подключить Леонида, чтобы ускорить подготовительную фазу перед началом более решительных действий.

– Я только загляну к Ермилову за ЦУ, и приступим. Изучи пока экспертизу, – он бросил папку на стол Леониду, метко уложив ее по центру. Только от ее хлопка о стол у Говорова волосы взметнулись надо лбом. Леня покрутил пальцем у виска.

...Ермилову понравилась версия, что Доктор – шеф МИТ, хотя он сразу развеял надежды Васи на конспирологическую теорию.

– Эта фраза про Доктора, если речь все же о Фырате, ничего нам не дает. Турки официально заявляли, что следующая их цель – полностью освободить приграничные районы от курдов. Пока сенсации нет и стратегической выгоды в подобной информации тоже.

– Да, но почему он сказал, что там «никого» не будет? Ну ладно, турки уберут курдов, в том числе и кардинально, а не просто согнав их с насиженных земель. Но арабы и особенно американцы – эти-то куда денутся? Я думаю... да нет, я уверен, что планируется нечто неординарное. Не банальная военная операция. Есть тут заকাыка, есть.

– Думаю, речь шла о тех арабах, которые сошлись с YPG полюбовно... Поэтому их головы полетят заодно с курдскими. И потом, ты всерьез считаешь, что «Щит Евфрата», «Оливковая ветвь» каким-то образом обошлись без участия МИТ? – усмехнулся Ермилов. – Без спецслужб нигде ничего не обходится, тем более в подобных мероприятиях. Давай-ка не будем пока домысливать. Факты нужны. Мы сделаем упор не на разработку Доктора – это, по-моему, нереально и сизифов труд, а на перевербовку курда. Хотя перевербовать самого Фырата... – Ермилов мечтательно закатил глаза и рассмеялся. – Вот это заманчиво.

– По-моему, это сфера деятельности ГРУ – подбираться к курду. Ну, на худой конец, СВР.

– О как! Да ты, батенька, забурел. Тебе и агенты не нужны? – Ермилов аж руками развел. – Наша военная контрразведка там действует, и, поверь мне на слово, вполне успешно... СВР должна ответить, где там курд и что про него им известно. Но, думаю, гораздо больше пользы будет от нашего человека там. Я читал выкладки эксперта и уже с утра сориентировал агента на поиск информации по поводу семьи курда. Понадобится время. Но он лично знаком с Саларом, и это сильно облегчает дело.

Егоров задумчиво поглядел на стоящую в углу кабинета зачехленную ракетку для большого тенниса. Но думал он не об увлечениях шефа, а о том, что именно можно предположить, собрав воедино крохи сведений, выхваченные у Меркуловой и выцыганенные у Ермилова.

«Наш человек» – это парень из «Белых касок». С ним на встречу метнулись тогда Горюнов и Ермилов, рискуя головой, чтобы застолбить за собой агента окончательно и наладить личный контакт. Но вслух говорить о своих догадках Вася не стал. Такие «озарения» лучше держать при себе.

– Вопрос, какая спецслужба работала с Саларом? – Ермилов посмотрел на задумчивое лицо майора и понял, что тот чересчур прозорлив. – МІТ, ЦРУ, Моссад?

– А не может быть иранское МИ? – вдруг оживился Вася.

– Но ЦРУ на этой территории у курдов хозяйничает. Им и карты в руки. Или Моссад?.. Салар боится митовцев. С какой дрожью говорил о Докторе. Если бы работал на МІТ, он бы только порадовался вторжению турок. Хотя надо разузнать, не попадал ли он в турецкие тюрьмы? Но тогда его родные курдские спецслужбы сами бы взяли на карандаш. Они-то уж как никто знают, что с курдами делают в турецких застенках.

– Сирийское главное управление безопасности или, что более вероятно, военная разведка Сирии? А? – предположил Егоров.

– Все может быть. Во всяком случае, это не противоречит его словам. Про главу Сирии и его действия он негативно не высказывался. А нам, несмотря на хорошие отношения с сирийцами, как ты понимаешь, такой информации никто у них не даст. Работает он на сирийцев или нет. Если запрос и сделаем и если он в самом деле не их агент, то могут запросто перехватить у нас курда. Так что мы торопиться не станем.

– Ну все-таки, если бы мы брали человека в разработку на предмет вербовки и подозревали, что с ним уже поработали ГРУ или СВР, мы бы запрос сделали. Зачем нам агент своих?

– Так то наши. А то союзники, партнеры... К тому же и наши не стали бы ничего тебе сообщать.

– Почему это? – возмутился Василий.

– А если им выгодно иметь двойного агента и узнавать через него наши секреты? – засмеялся Ермилов. – Хоть мы и не противоборствующие организации, но у нас даже между отделами информация не гуляет. Каждый лепит из золотой пыли яйцо и сидит на нем, как дракон.

– Шеф, разве это неправильно? – с подвохом спросил Егоров.

– Иди себе... к Доктору и компании. Тебе есть чем заняться. С тебя и рутинных дел никто не снимал. К разговору, мы и с Турцией союзник и по вопросам в Сирии, и не только. – Шеф догнал вопросом Егорова, уже стоявшего в дверях: – Как тебе психологический портрет Салара? Есть что-то путное?

– Да как вам сказать? Экспертша нашего Доктора назвала абстракцией, с чем я в корне не согласен. А то, что курд личность для вербовки подходящая, так это я и без нее знал.

– Кстати, – Ермилов откинулся на спинку кресла и снял трубку телефона, но пока не набрал номер. – К сведению, Ле Мезюрье в Стамбуле проживает. И сидит там, словно ожидает каких-то событий в Турции или по соседству.

– Это тот, из МІ6, один из основателей «Белых касок»? Считаете, что в нашем случае речь шла об очередной провокации с помощью белокасочников? Химатака? Поэтому там никого и не будет – ни арабов, ни американцев... Стоп! Американцы спонсируют одновременно белокасочников и курдов, на территории которых сидят, зачем им их стравливать? Это скорее на руку англичанам или туркам. Что же выходит? Турки перекупили белокасочников и натравливают на курдов? Да нет! Чепуха какая-то! – он с раздражением сунул руки в карманы брюк, словно собирался оттуда, как фокусник, выудить ответы на все вопросы.

– И тем не менее, Ле Мезюрье в Турции. В Стамбуле находится Фонд спасения, основанный Ле Мезюрье, в который входят «Белые каски». Ле Мезюрье работает и в Иордании, где у них тоже офис.

– Так что ж тогда удивительного, что он в Турции? – Егоров посмотрел на шефа удивленно. – Ему просто удобно.

– Не знаю. Что-то во всем этом меня беспокоит, – полковник начал набирать номер телефона, Вася понял намек и удалился к себе.

Леонид сидел с карандашом над экспертизой и шевелил губами.

– Ты что, наизусть учишь? – пошутил Василий.

Допоздна они просидели, изучая материалы о Докторе.

США, Мэриленд, 2000 год

Оставалось доучиться последний год в магистратуре колледжа при университете штата Мэриленд. Халюк Фырат прилетал сюда из Германии, где служил в разведывательно-оперативном управлении корпуса быстрого реагирования НАТО.

Под тридцать было Фырату, когда он оказался в Америке. До этого окончил уже два военных училища, в том числе и Кара харп окулу по специальности «международные отношения».

Унтер-офицер, высокий, крепкий, видный парень с тяжелым взглядом черных глаз из-под густых бровей. Он родился в столице Турции, обладал тягой к учебе и стремлением в будущем занять высокий пост и сделать хорошую карьеру.

Воспитанный в турецком обществе, американцев он недолюбливал. При этом симпатизировал Ирану, хотя подобная позиция противоречила общетурецким тенденциям. Ему импонировала жесткая иранская модель руководства страной. Светскость хорошо, но если религия является удобным, смазанным за столетия, отработанным механизмом воздействия на массы, то почему бы и не воспользоваться им в полной мере.

Отношение к американцам у него нисколько не поменялось, когда к нему начали подкатывать цэрэушники в Германии. Никакой интриги в его вербовке не было – ни медовых ловушек, ни инициативы с его стороны, ни денежного вопроса... В какой-то степени деньги все же сыграли роль, однако больше всего Фырата привлекло намерение американцев с помощью агентов влияния, внедренных в турецкие госструктуры, устроить продвижение по службе молодого, амбициозного, умного и напористого турка.

Учеба в Мэриленде стала одновременно и спецобучением агента, и способом повысить его ставки на родине. Оплату обучения, а она составляла несколько десятков тысяч долларов в год, легендировали. Талантливым обучающимся колледж в самом деле оплачивал большую часть. Но не иностранцам, так как Мэрилендский университет государственное заведение. Льготы были оформлены для него как для сотрудника НАТО, коим он на тот момент являлся. Часть, для отвода глаз, Халюк якобы вносил сам из зарплаты.

– Деньги в Турции слишком заметная субстанция, – сказал он сразу своему куратору еще в Германии и повторял неоднократно, встречаясь на скамейке Зеленой линии вашингтонского метро, в городке Колледж-парк, где располагался колледж его университета. – Но это не значит, что я буду против, если где-нибудь в швейцарском банке начнет копиться энная сумма. Позже я смогу и сам зарабатывать, когда начну продвигаться по карьерной лестнице и обзаведусь полезными знакомствами.

– Для этого есть смысл по возвращении в Турцию поступить в Билькентский университет в вашей столице. – Джеймс покусывал чубук короткой курительной трубки, пытаясь понять, зачем руководству этот парень, наглый, как все турки, упрямый и заносчивый. – Там обучение ведется на английском, преподаватели наши и европейские. Во-первых, будет легче осуществлять связь с вами, а во-вторых, в стенах университета организуются встречи с известными

людьми. Руководство страны выступает перед студентами. А наши преподаватели позаботятся, чтобы вас с лучшей стороны представили именитым гостям. Далее все будет зависеть от вашей инициативности. И в-третьих, что немаловажно, – докторская диссертация.

Халюк посмотрел на навес над платформой с прозрачной серединой-вставкой и бетонными массивными скатами-крыльями, сбоку навес напоминал самолет или птицу – крикливую чайку над Босфором, залетевшую в Штаты и парящую над лесом, густо окружавшим станцию.

– Вы ведь хороший всадник? – вдруг спросил Джеймс, он оглянулся, но так и не решился закурить, для этого пришлось бы переместиться в курилку на противоположном конце платформы. – Мы могли бы поиграть в поло на следующей неделе и обсудить подробно все детали. Учеба заканчивается. В Турции мы будем несколько скованы в свободе наших контактов. Нам не стоит вас подставлять. Более того, наши специалисты подготовят для вас докторскую диссертацию. Вам не придется тратить время и силы.

– И на какую же тему она будет? – Халюк не выглядел обрадованным – он слишком тщеславный, чтобы присвоить чужую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.